ШЕСТЬ МЕСЯЦ.
НА
ШИНЦЕ.

Г 5/170

15.
170.
16

ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ

НА

ШИПКЪ.

(Посвящается защитникамъ Шипки.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1884.

5/170

ШЕСТЬ МѢСЯЦЕВЪ

НА

ШИПКѢ.

(Посвящается защитникамъ Шипки.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Редакціи журнала „Чтеніе для Солдатъ".
1884.

ТИПОГРАФІЯ
В. С. БАЛАШЕВА

Набор. Екатер. кан., д. № 78.

2591

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го сентября 1884 года.

Шесть мѣсяцевъ на Шипкѣ.

I. Очеркъ военныхъ дѣйствій на Дунаѣ до занятія проходовъ въ Балканскихъ горахъ. — Значеніе Шипкинскаго перевала.

Описывая оборону Шипкинскаго перевала, надо сказать прежде всего о томъ значеніи, которое имѣлъ этотъ перевалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Европейской Турціи; надо сказать это для того, чтобы яснѣе были заслуги войскъ, оборонявшихъ перевалъ. Много говорили о Шипкѣ во время самой войны, много писали про нее и послѣ, да и теперь еще пишутъ; но, можетъ быть, не всякій знаетъ, что защитники Шипки, страдая отъ голода и холода, отъ пуль, бомбъ и гранатъ,—своею упорною обороною принесли великую пользу общему дѣлу.

15-го іюля 1877 года, на разсвѣтѣ, авангардъ Дунайской арміи—8-й корпусъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта (нынѣ генералъ отъ инфантеріи) Радецкаго, началъ переправу чрезъ Дунай у г. Систова.

Благодаря тому, что мѣсто для переправы было хорошо выбрано, войска были скрытно къ нему стянуты,—переправа удалась вполнѣ, съ сравнительно малыми потерями.

Въ теченіи семи дней, съ 15-го по 22-е, весь 8-й корпусъ былъ переправленъ чрезъ Дунай по понтонному мосту *) и потомъ направленъ къ деревнѣ Царевицѣ, гдѣ и данъ былъ отдыхъ на нѣсколько дней. Турки, послѣ переправы нашихъ войскъ, бѣжали къ главному тогда городу Болгаріи — Тырнову, гдѣ и укрѣпились, съ цѣлью не допускать наши войска дальше, въ глубь своего государства.

Между тѣмъ, войска 14-го корпуса переправились чрезъ Дунай у г. Галаца, при устьѣ Дуная и двинулись къ турецкимъ крѣпостямъ, лежащимъ по Дунаю. Такимъ образомъ, во второй половинѣ іюня почти вся сѣверная Болгарія находилась уже въ нашихъ рукахъ.

Большая часть турецкой арміи находилась въ это время за Балканами; другая же ея часть, подъ начальствомъ Османа-паши, шла изъ Сербіи въ Южную Болгарію; а Сулейманъ-паша, съ своими храбрыми войсками, шелъ изъ Черногоріи къ Константинополю. Обѣ эти части арміи должны были соединиться и не пустить насъ чрезъ Балканы въ южную Болгарію (Румелія); для этого они должны были занять всѣ проходы (перевалы) чрезъ Балканскія горы. Таково было, по крайней мѣрѣ, желаніе султана и главнаго военнаго совѣта.

*) Мостъ, состоящій изъ особаго устройства лодокъ, на которыя положены доски, образующія помостъ.

На дѣлѣ, однако, вышло не такъ. Османъ-паша, съ своимъ 40-тысячнымъ корпусомъ, не дойдя до Балканъ, занялъ позицію у г. Плевны, которую и укрѣпилъ.

Городъ Плевна находился какъ разъ на правомъ флангѣ всей той линіи, на которой намъ приходилось дѣйствовать. Необходимо надо было завладѣть этимъ городомъ, иначе непріятель, выходя по временамъ изъ него, могъ нападать на нашъ тылъ и мѣшать нашимъ сообщеніямъ съ Систовомъ и съ княжествомъ Румыніей, чрезъ которую мы получали все, необходимое и подкрѣпленія.

Между тѣмъ, какъ Османъ-паша скрытно шелъ къ Плевнѣ, наши войска (8-й корпусъ) спѣшили занять Балканскіе проходы. Расчетъ состоялъ въ томъ, чтобы, занявъ два прохода чрезъ Балканы, двинуть по нимъ войска изъ Сѣверной Болгаріи въ Южную и идти прямо къ Константинополю.

Планъ этотъ надо было приводить въ исполненіе по возможности скорѣе, чтобы не дать соединиться Сулейману-пашѣ съ Османомъ и съ остальною частью арміи, находившейся къ югу отъ Балкановъ. Въ виду этого, сформированъ былъ передовой отрядъ, который, долженъ былъ, захвативъ горные проходы, быстро спуститься на южную сторону Балканъ; за передовымъ отрядомъ, по захваченнымъ проходамъ, должны были двинуться и прочія войска.

Чрезъ Балканскія горы *) проходятъ въ средней части три дороги: одна называется *Ханкіойскій* перевалъ, другая—*Шипкинскій*, третья—*Троянскій*. Кромѣ

*) Балканы имѣютъ среднюю высоту почти въ полторы версты.

этихъ дорогъ нѣтъ никакихъ, по которымъ бы могли двигаться войска съ ихъ обозомъ. Зная это, турки заняли заранѣе эти три перевала и укрѣпили ихъ, въ особенности сильно Шипкинскій, считавшійся, изъ всѣхъ трехъ, болѣе удобнымъ для движенія войскъ. Ханкіойскій проходъ, шириною всего $1^1/_2$ сажени, турки считали совсѣмъ непроходимымъ, и потому заняли его слабѣе другихъ, въ расчетѣ, что по немъ уже никакъ не пройдутъ наши войска въ большомъ числѣ.

Нашъ полевой штабъ, зная о существованіи этихъ переваловъ заранѣе и тогда же (въ іюнѣ) узнавши о томъ, какъ они заняты, рѣшилъ пустить большую часть войскъ по лучшему, Шипкинскому перевалу, а передовой отрядъ—по Ханкіойскому. Расчетъ этотъ оказался вѣренъ: летучій отрядъ, состоявшій изъ 8-го драгунскаго Астраханскаго, 9-го драгунскаго Казанскаго полковъ, съ 16-ю конно-артиллерійскою батареею пробрался, съ большимъ, правда, трудомъ, чрезъ Ханкіойскій проходъ, спустился въ долину по ту сторону Балканъ и завладѣлъ нѣсколькими селеніями. Вслѣдъ за нимъ спустилась въ долину 4-я стрѣлковая бригада. Это было 5-го іюля.

Между тѣмъ, Шипкинскій перевалъ оказался занятымъ 5-ти-тысячнымъ отрядомъ и сильно укрѣпленъ; безъ боя тутъ обойтись было нельзя. Чтобы облегчить взятіе Шипкинскаго перевала, рѣшили атаковать его съ двухъ сторонъ: съ сѣверной—отрядомъ изъ Орловскаго полка съ 5-ю батареею 9-й артиллерійской бригады и съ южной—4-ю стрѣлковою бригадою.

Отсюда и начинается исторія Шипкинскаго перевала. Занятіе его, укрѣпленіе и пять мѣсяцевъ обороны

его и будутъ предметомъ нашего разсказа. Теперь понятно, почему важенъ былъ Шипкинскій перевалъ: чрезъ него должна была пройти вся русская армія, если бы насъ ничто не задержало по эту сторону Балканъ; въ случаѣ, еслибы мы не разсчитывали проходить, то намъ все-таки необходимо было бы имѣть этотъ перевалъ въ своихъ рукахъ, чтобы не пустить чрезъ него турокъ. Сначала предполагали, что переходъ чрезъ Балканы будетъ совершенъ въ скоромъ времени и что Шипкинскій перевалъ будетъ служить путемъ для всей нашей арміи. Но обстоятельства измѣнились. Шипкинскимъ переваломъ мы овладѣли въ іюлѣ, а идти по немъ пришлось только въ январѣ 1878 года.

Въ то время, какъ нашъ передовой отрядъ переходилъ Балканы по Ханкіойскому перевалу, Османъ-паша, съ своимъ 40-тысячнымъ корпусомъ, занялъ Плевну и укрѣпился въ ней. Это было почти въ одинъ и тотъ же день, около 5-го іюля. Наши войска атаковали Плевну 8-го числа, но были отбиты, такъ какъ были въ значительно меньшемъ числѣ. Между тѣмъ, какъ нашъ передовой отрядъ, къ которому прибавились еще Елецкій и Сѣвскій полки съ 4-ю и 6-ю батареями 9-й артиллерійской бригады, перешелъ чрезъ Балканы по Ханкіойскому проходу и двинулся къ городу Іени-Загрѣ; Сулейманъ-паша, съ своими боевыми войсками изъ Черногоріи приплылъ къ Константинополю и оттуда быстро пошелъ къ Іени-Загрѣ. 18-го іюля передовой отрядъ Сулеймановской арміи встрѣтился съ нашимъ передовымъ отрядомъ у гор. Іени-Загры, былъ разбитъ и отступилъ къ гор. Эски-Загрѣ.

Въ тотъ же день, наши войска предприняли вто-

рую атаку Плевны, но были отбиты опять-таки вслѣдствіе того, что были въ незначительномъ, сравнительно съ турками, числѣ. Оказалось теперь, что раньше, чѣмъ не будетъ взята Плевна, передовой отрядъ нашъ не можетъ быть за Балканами, такъ какъ мы не могли предпринять наступленіе къ турецкой столицѣ, когда у насъ, почти въ тылу, находилась Плевна съ своимъ 40-тысячнымъ гарнизономъ: приходилось передовой отрядъ отозвать назадъ въ Сѣверную Болгарію, занять перевалы Ханкіойскій, Троянскій и въ особенности Шипкинскій и не пускать чрезъ нихъ турокъ въ Сѣверную Болгарію. Еслибы чрезъ одинъ изъ этихъ проходовъ были пропущены турецкія войска, то они, соединившись съ войсками въ Плевнѣ или съ войсками Мехмета-Али-паши, находившимися въ Восточной Болгаріи (т. е. на лѣвомъ нашемъ флангѣ), могли бы предпринять общее наступленіе съ двухъ сторонъ и отбросить насъ къ Дунаю и, пожалуй, совсѣмъ вытѣснить въ Румынію.

И такъ, надо было, во что бы то ни стало, удержать перевалы въ нашихъ рукахъ. Такъ какъ Шипкинскій перевалъ былъ самый удобный для движенія, то, вѣроятнѣе всего было ожидать турокъ на этомъ перевалѣ, а слѣдовательно, *оборонять этотъ перевалъ и не пустить чрезъ него турокъ было весьма важно: отъ этого зависѣлъ исходъ войны.*

Цѣлый августъ Сулейманъ старался пробиться чрезъ Шипкинскій перевалъ, но войска 8-го корпуса не пустили его. Много тогда легло турокъ при атакахъ на Шипку, но наши стояли твердо, хотя нашихъ было почти въ десять разъ меньше. И въ сентябрѣ хотѣли

было турки пробиться чрезъ Шипку, но и въ сентябрѣ атака не удалась. Тогда Сулейманъ сталъ громить своею артиллеріею днемъ и ночью защитниковъ перевала; и хотя нашимъ очень трудно было держаться, но все-таки держались. Наконецъ, Сулейманъ-паша еще разъ хотѣлъ попытаться прорваться и предпринялъ атаку въ октябрѣ,—но и тогда былъ отбитъ. Видя неуспѣхъ и невозможность пробиться, Сулейманъ рѣшилъ держать, по крайней мѣрѣ, свои войска вблизи перевала и не пускать насъ, въ случаѣ еслибы мы захотѣли спуститься въ долину. Но и это не удалось: мы все-таки спустились и захватили въ плѣнъ всю, осаждавшую Шипкинскій перевалъ, армію и наши войска свободно прошли чрезъ Шипку къ гор. Адріанополю. Полагаемъ, что теперь читателю достаточно выяснилось значеніе обороны Шипкинскаго перевала и теперь можно перейти къ разсказу о самой оборонѣ.

II. Атака Шипкинскаго перевала, его занятіе и укрѣпленіе.

1-го іюля, Орловскій полкъ (9-й дивизіи) получилъ приказаніе выступить съ бивака у Тырнова и идти на Габрово, — къ Шипкинскому перевалу, а оттуда для овладѣнія этимъ проходомъ. Къ полку приказано было присоединиться и 5-й батареи 9-й артиллерійской бригады. Отрядъ нашъ выступилъ рано утромъ, 2-го іюля, изъ Тырнова по шоссе къ Дранову, городку, лежащему на полъ-пути между Тырновомъ и Габровомъ. Мы шли съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей: впереди авангардъ, затѣмъ—главныя силы съ батареей, сзади—арри-

ергардъ, прикрывавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обозъ. Отрядъ былъ каждую минуту на чеку, люди не растягивались, не отставали и двигались въ полномъ порядкѣ, хотя жара стояла невыносимая, а мы еще не привыкли ходить по шоссейнымъ турецкимъ дорогамъ, да и не приспособились. Орловскіе офицеры говорили, что если бы не слухи о черкесахъ, такъ полкъ растянулся бы такъ, что трудно было бы и собрать его, да и отсталыхъ много было бы. Артиллерія, по обыкновенію, шла легко, безъ ранцевъ (они привязаны были къ орудіямъ). Даже обозъ, противъ обыкновенія, не отставалъ. Въ гор. Драново пришли мы въ 11 часовъ утра, сдѣлавъ, такимъ образомъ, переходъ въ 18 верстъ въ шесть часовъ съ привалами вмѣстѣ.

Переночевавши спокойно въ Драновѣ, отрядъ нашъ, на другой день, выступилъ къ Габрову. Тутъ дорога была труднѣе: попадались и спуски крутые, и подъемы довольно крутые, за то люди шли какъ будто бодрѣе, можетъ быть потому, что немного попривыкли къ дорогѣ. Были въ полку подбившіеся, но они не отставали. Шли легко, тѣмъ болѣе, что можно было, по временамъ, освѣжаться холодною ключевою водою изъ попадавшихся на пути бассейновъ. Сначала люди было остерегались подходить къ бассейнамъ (фонтанъ), такъ какъ прошли слухи, что вода въ нихъ отравлена турками. Жара — невыносимая. Пить страшно хочется. Люди идутъ молча.

— Эхъ, кабы теперь водицы! говоритъ одинъ солдатикъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Да, холодненькой бы, поддакиваетъ другой, какъ будто поддразнивая и себя и другихъ.

Отъ напоминанія этого еще больше хочется пить.

— Да, слышь, говорятъ,—возражаетъ третій, которому должно быть досадно, что напоминаютъ о томъ, чего достать нельзя,—говорятъ, что будто воду-то въ фонтанахъ турки отравили....

И вотъ, на эту тему начинаются длинные разговоры, сокращающіе и путь и время, и въ концѣ концовъ выяснившіе, что и вправду, «воду въ фонтанахъ, должно, турки отравили». Такъ и остались люди при этомъ мнѣніи. — «Отравили, — и все тутъ; потому турки — басурманы, во Христа не вѣруютъ, народъ православный хотятъ извести всячески...»

А пить-то все таки хочется. Тутъ какъ разъ подошли къ фонтану. Отравлена или нѣтъ? Солдаты мнутся и не знаютъ какъ быть. Нѣсколько смѣльчаковъ, перекрестившись и приговаривая: «за одно помирать-то, по крайности хоть узнаемъ для роты, отравлена или нѣтъ», идутъ къ водѣ и съ опасеніемъ пробуютъ. Ничего: вода, какъ вода, да еще и холодная.

— Пошелъ сюда, ничего нѣтъ, не отравлена!

И вотъ, вся рота набираетъ въ котелки.

Пошли дальше. На полдорогѣ встрѣтили гору, и тутъ остановились на привалъ. Офицеры повытаскали бинокли и стали смотрѣть на Балканы, которые отсюда отлично видны. Между всѣми горами видна была одна, выдавшаяся своею вышиною; на ней разглядѣли палатки. Остановили проходившаго тутъ болгарина, стали разспрашивать про эту гору. Болгаринъ разсказалъ, что эта гора называется горою св. Николая, что чрезъ нее лежитъ дорога въ дер. Шипку и самый перевалъ называется Шипкинскій, что палатки эти—турецкія и

что турокъ на Шипкинскомъ перевалѣ до 5-ти тысячъ. Долго еще разсказывалъ бы словоохотливый болгаринъ, да тутъ ударили подъемъ, и мы пошли дальше, къ Габрову. Въ Габровѣ мы уже встрѣтили сотню казаковъ, которая пришла сюда за два дня до насъ. Казаки сообщили, что въ окрестностяхъ Габрова бродятъ шайки баши-бузуковъ и что шипкинскій перевалъ сильно укрѣпленъ и занятъ 10-ю тысячами турокъ и что все населеніе этой мѣстности съ нетерпѣніемъ ждетъ появленія русскихъ войскъ, которыя оградятъ ихъ отъ баши-бузуковъ и черкесовъ.

Лишь только появился у города нашъ отрядъ, тотчасъ же раздался колокольный звонъ и на встрѣчу отряду вышелъ народъ въ праздничныхъ костюмахъ. Впереди шли священники съ крестами и хоругвями. Народъ радостно встрѣчалъ, клапялся, кричалъ «да живый!» (въ родѣ нашего «ура»); священники благословляли насъ и кропили святою водою. Старшій между ними сказалъ рѣчь по русски. Остановившись тутъ бивакомъ со всѣми предосторожностями, мы отправились осматривать городъ и тутъ намъ болгары сообщили разныя свѣдѣнія о туркахъ. Главное изъ этихъ свѣдѣній было то, что Шипкинскій перевалъ былъ сильно укрѣпленъ и что его трудно будетъ взять безъ помощи тѣхъ войскъ, кои пошли уже за Балканы. Тѣмъ не менѣе, болгары твердо вѣрили, что мы одолѣемъ турокъ, какъ одолѣли ихъ въ трудномъ мѣстѣ, на Дунаѣ.

Въ Габровѣ простояли два дня; на третій день, 5-го іюля, Орловскому полку и 5-й батареи приказано было атаковать Шипкинскій перевалъ. Для этого, еще въ ночь съ 4-го на 5-е, баталіонъ маіора Родзевича

атаковалъ гору Бердекъ, неподалеку отъ Шипкинскаго перевала. Турки оттуда бѣжали. Атака-же собственно горы св. Николая, гдѣ находились главныя турецкія силы, должна была быть произведена съ трехъ сторонъ: 4-ю стрѣлковою бригадою—съ юга и двумя батальонами Орловцевъ—съ сѣвера по шоссе и съ сѣверо-запада, со стороны болгарскаго селенія Зелена-Древа. Съ этимъ послѣднимъ же батальономъ на Зелено-Древо были посланы 4 орудія 5-й батареи. Батальонъ этотъ, подъ командою подполковника Хоменко съ батареею поднялись съ большимъ трудомъ въ горы, прошли въ селеніе Зелено-Древо; тутъ батарея была остановлена съ одною ротою, а подполковникъ Хоменко пошелъ дальше съ тремя ротами и началъ наступленіе на Лысую гору, находящуюся къ сѣверо-западу отъ горы св. Николая. Батарея наша хотѣла было поддержать наступленіе и сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ, но снаряды далеко не долетали и стрѣльбу, по безполезности ея, не продолжали.

Между тѣмъ, батальонъ, наступавшій по шоссе, съ проводникомъ-болгариномъ во главѣ, былъ измѣнически заведенъ подъ турецкіе выстрѣлы, и двѣ роты его понесли громадныя потери. Продолжать наступленіе съ нѣсколькими ротами на сильно укрѣпленную позицію было невозможно, а потому и подполковникъ Хоменко получилъ приказаніе отступить. Тогда же получила приказаніе отступить и наша батарея у Зелена-Древа. Съ большимъ трудомъ спустились опять къ Габрову.

Вся неудача атаки произошла отъ того, что 4-я стрѣлковая бригада, которая должна была наступать

на гору св. Николая съ юга, — не поспѣла во-время, атаковала позже и тоже потерпѣла неудачу. Но эта неудача прошла для насъ незамѣтно: люди не упали духомъ, а напротивъ, шутили и острили, собирались на другой день захватить всѣхъ турокъ на Николаѣ живьемъ.

На слѣдующій день пріѣхалъ къ нашему отряду генералъ Скобелевъ, тотъ самый, который такъ прославился впослѣдствіи подъ Плевною. Генералъ Скобелевъ былъ назначенъ начальникомъ всего нашего отряда (Орловскій полкъ, 5-я батарея и 1 сотня казаковъ). Сейчасъ же онъ собралъ всѣхъ офицеровъ и командировъ, разсказалъ куда, зачѣмъ и когда нужно идти, какъ дѣйствовать и вообще разсказалъ все то, что надо было знать каждому начальнику, офицеру и солдату. Всѣ относились къ генералу съ особеннымъ уваженіемъ: видно было, что онъ — знатокъ боеваго дѣла, что у него все пойдетъ хорошо и будетъ успѣхъ. Офицеровъ и нижнихъ чиновъ онъ расположилъ къ себѣ добрымъ, ласковымъ словомъ. Всѣ отъ него были въ восторгѣ.

Приготовились къ подъему въ горы: собрали болгаръ для помощи при подниманіи орудій, собрали шанцевый инструментъ для очистки дороги. Утромъ, 7-го числа, тронулись въ горы. День стоялъ жаркій. Услужливые болгары везли на ослахъ боченки съ водою, которую и раздавали людямъ. Подъемъ на гору св. Николая всего верстъ десять, а тянулись мы, съ 6-ти час. утра до 7-ми час. вечера, тринадцать часовъ. Можно же представить, на сколько была трудна дорога! На половинѣ дороги встрѣтилъ насъ адъютантъ генерала Скобелева

и привезъ радостное извѣстіе, что турки бѣжали съ горы св. Николая, оставивши тамъ свои орудія и боевые припасы. Это придало намъ силы и, несмотря на усталость и крайне трудную горную дорогу, въ 7 час. мы были на горѣ св. Николая,—и Шипкинскій перевалъ былъ въ нашихъ рукахъ. Дѣло объяснилось такъ: узнавши, что наши войска подходятъ къ Габрову, а чрезъ Ханкіой въ долину идетъ часть нашего передоваго отряда,—турки разсчитали, что теперь, при нашей атакѣ съ двухъ сторонъ, имъ, все равно, на позиціи не удержаться, и потому заблагоразсудили бѣжать оттуда заблаговременно.

Такъ заняли наши войска Шипкинскій перевалъ безъ боя.

На другой день приступлено было къ осмотру позиціи и къ спуску одного батальона орловцевъ съ двумя орудіями 5-й батареи въ деревню Шипку, находящуюся какъ разъ у подножія горы св. Николая. Батальонъ и орудія спустились въ Шипку очень скоро, заняли ее и тотчасъ же укрѣпили на сколько могли. Жители Шипки—болгары, радушно приняли наши войска. Они разсказывали, что турки бѣгутъ къ Адріанополю, навстрѣчу арміи Сулеймана-паши, который идетъ изъ Константинополя, и что скоро Сулейманъ долженъ быть здѣсь, если его русскіе не остановятъ раньше. Ихъ успокоили, говоря, что передовой отрядъ не допуститъ приближенія Сулеймана. Тѣмъ временемъ, на горѣ св. Николая осматривали бывшую турецкую позицію. Турки такъ поспѣшно бѣжали, что бросили свои шесть стальныхъ дальнобойныхъ крупповскихъ пушекъ и два гор-

ныя орудія, почти не испортивъ *) ихъ. Кромѣ орудій нашли еще снаряды къ нимъ и большое количество пороху въ особомъ погребкѣ; тутъ же находился складъ патроновъ и другихъ огнестрѣльныхъ припасовъ.

Для завѣдыванія орудіями назначенъ былъ 5-й бат. 9-й арт. бр., подпоручикъ К.; генералъ Скобелевъ поручилъ ему осмотрѣть орудія, боевые припасы и опредѣлить,— можно-ли будетъ дѣйствовать изъ орудій. Когда все было осмотрѣно, генералъ Скобелевъ приказалъ подпоручику К. сдѣлать пробный выстрѣлъ изъ одного орудія; для дѣйствія изъ орудія набрана была прислуга изъ Орловскаго полка, изъ тѣхъ людей, которые, въ мирное время, въ лагеряхъ, обучались дѣйствію при орудіяхъ, съ прибавкою нѣсколькихъ артиллеристовъ изъ батареи. Скобелевъ обѣщалъ на другой день смотрѣть пробную стрѣльбу, а самъ поѣхалъ въ деревню Шипку. К., въ тотъ же день, принялся учить своихъ людей и такъ какъ эти люди учились прежде дѣйствовать при мѣдныхъ пушкахъ, а стальныя пушки не много отличались по своему устройству отъ мѣдныхъ, то прислуга, хотя и была почти вся изъ пѣхотныхъ солдатъ, однако, скоро приспособилась къ заряжанію орудій.

На другой день, Скобелевъ пріѣхалъ опять на гору Св. Николая и приказалъ при себѣ произвести выстрѣлъ. Конечно, люди еще не привыкли скоро и правильно заряжать за такой короткій срокъ, и потому К. при-

*) Извѣстно, что при отступленіи съ позиція, если пушки не могутъ быть взяты съ собою, то ихъ нарочно портятъ, чтобы онѣ не могли служить непріятелю, или на время, или совсѣмъ: вынимаютъ замки, прицѣлы, нарочно рвутъ орудія большими зарадами и проч.

шлось для этого пробнаго выстрѣла произвести самому заряжаніе. Сдѣлали выстрѣлъ, и хотя снарядъ не попалъ туда, куда хотѣли, однако, всѣ остались очень довольны, ибо увидали, что пушки эти могутъ быть намъ полезны. Скобелевъ также остался доволенъ, поблагодарилъ К. и людей и уѣхалъ, поручивъ К. набрать прислугу изъ Орловскаго полка на всѣ шесть орудій. На другой же день прислуга была набрана и К. принялся обучать ее дѣйствовать при стальныхъ пушкахъ.

Между тѣмъ, батарея и полкъ устраивались на горѣ св. Николая. Прежде всего надо было позаботиться о приведеніи позиціи въ оборонительное положеніе на тотъ случай, если бы турки вздумали атаковать насъ. Хотя трудно было предполагать, чтобы турки осмѣлились попытаться отнять у насъ Шипкинскій проходъ, когда наши войска находились уже за Балканами, однако, изъ предосторожности надо было укрѣпить занятую позицію.

Всѣ оставленныя турками укрѣпленія были обращены фронтомъ на сѣверъ, къ Габрову, туда, значитъ, откуда турки могли ожидать нашего наступленія. Слѣдовательно, мы не могли воспользоваться этими укрѣпленіями: намъ надо было построить укрѣпленія, обращенныя фронтомъ на югъ, откуда мы могли ожидать наступленія турокъ. Въ тотъ же день, роты Орловскаго полка были размѣщены по всей горѣ св. Николая, почти кругомъ ея; а резервъ—позади, около шоссе. Стальныя пушки были оставлены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ нашли при занятіи св. Николая. Это мѣсто назвали «Стальною батареей». Орудія 5-й батареи были

размѣщены по полубатарейно въ тылу горы св. Николая, на двухъ турецкихъ батареяхъ. Орловцы выкопали ложементы, въ которыхъ днемъ и ночью находились дежурныя части; прочіе же люди размѣщались тутъ-же въ переносныхъ палаткахъ.

Высокій горный хребетъ, подъ названіемъ «Балканъ», тянется почти чрезъ всю Болгарію, отъ Чернаго моря до горъ Сербіи. Средняя высота его въ 5.000 футъ. Та часть Балканъ, гдѣ находилась занимаемая нами позиція, называется «Шипка-Балканъ», по имени большаго болгарскаго селенія, находящагося у его подножія. Высшая точка этой части Балканъ—есть гора св. Николая, чрезъ которую проходитъ шоссированная дорога изъ Габрова въ селеніе Шипку и дальше, въ городъ Казанлыкъ. Этотъ путь издавна служилъ путемъ сообщенія между Сѣверною и Южною Болгаріей; съ нѣкотораго времени его забросили, но не задолго до этой войны, путь этотъ опять былъ исправленъ. Ставъ лицомъ къ селенію Шипкѣ, можно видѣть съ горы св. Николая, прямо передъ собою, широкую долину, усѣянную городами и селами и называемую «долиною розъ», вслѣдствіе того, что тутъ находятся большіе поля, засѣянныя розами, изъ коихъ добываютъ розовое масло. Съ лѣвой руки смотрящаго на деревню Шипку, видна гора Бердекъ, которую наши войска атаковали 5-го іюля. Рядомъ съ нею другая гора, меньшей высоты, названная нами «Малымъ Бердекомъ». Затѣмъ, рядомъ съ этою, другія двѣ горы, еще меньшей высоты, одна изъ нихъ названа «Сахарною Головою», потому что по виду была очень схожа съ головою сахара, другая же названа «Вороньимъ гнѣздомъ». Всѣ эти названія

дали сами нижніе чины, и онѣ такъ и остались во все время обороны. Съ правой стороны смотрящаго на деревню Шипку виднѣется рядъ горъ, которыя идутъ какъ будто-бы кольцомъ вокругъ Николая, вплоть до самаго шоссе въ тылу. Одна изъ горъ позади и справа отъ смотрящаго, названа была «Лысою» горою, потому что плоская безлѣсная вершина ея, при скатахъ, покрытыхъ лѣсомъ, напоминала плѣшь на головѣ. Рядомъ съ этою горою виднѣлась другая, соединявшаяся своими склонами съ третьею, названною впослѣдствіи «Волынскою» горою, по имени полка, который оборонялъ ее въ августѣ. Склоны этой горы подходили къ шоссе. Такимъ образомъ, гора св. Николая представлялась отдѣльною вершиною, окруженною съ трехъ сторонъ лѣсистымъ оврагомъ, за которымъ высились названныя горы. По всей горѣ расположены были турецкіе ложементы, фронтомъ къ Габрову; а въ тылу горы св. Николая, справа и слѣва отъ шоссе, были насыпаны двѣ батареи, изъ которыхъ одна названа была «центральною», а другая—«круглою». На первой была поставлена 1-я полубатарея 5-й батареи, а на другой—2-я. На самой горѣ св. Николая, у того мѣста, гдѣ начинался спускъ къ деревнѣ Шипкѣ, находился брустверъ, длиною 5 сажень, который однимъ концомъ доходилъ почти до шоссе, огибавшаго гору св. Николая. Тутъ нашли турецкія стальныя орудія, и тутъ же, впослѣдствіи, насыпали батарею «стальную», или батарею № 1, какъ ее называли впослѣдствіи.

Въ такомъ видѣ была взятая нами позиція. Намъ надо было ее укрѣпить на случай наступленія турокъ изъ «долины розъ»; и вотъ, съ перваго же дня, при-

нялись за рытье ложементовъ и насыпку батарей. Но вскорѣ дѣло это оставили, находя, что это—безполезная работа, такъ-какъ турки не пойдутъ на гору св. Николая, когда нашъ передовой отрядъ находится въ «долинѣ розъ». Да и вообще, мысль о возможности нападенія турокъ на Николай была оставлена; поэтому и работы были брошены. Отрядъ стоялъ на Николаѣ не такъ, какъ на позиціи, а какъ на бивакѣ. Люди находились въ палаткахъ, обозъ стоялъ въ тылу, около шоссе; тамъ же была и кухня. Въ батареѣ лошади находились здѣсь же, на коновязи. Вообще, стояли, какъ на бивакѣ и ничто не напоминало позицію. Только на Стальной батареѣ подпоручикъ К. производилъ свои ученья и каждый день, ровно въ 12 часовъ дня, выстрѣливалъ изъ дежурнаго орудія по горѣ «Малый Бердекъ». За одну недѣлю онъ уже успѣлъ обучить свою прислугу и пристрѣлялся почти ко всѣмъ окрестнымъ горамъ. Каждый день играла музыка Орловскаго полка; люди свободно гуляли по горѣ, спускались въ овраги и тамъ искали земляничку. Такъ мирно и тихо прожили на Николаѣ больше недѣли. Никто не думалъ о туркахъ, никто не заботился о дѣйствіяхъ передоваго отряда.

А между тѣмъ, дѣла передоваго отряда были плохи: 19-го іюля онъ принужденъ былъ отступить изъ подъ деревни Джуранлы, гдѣ встрѣтился съ войсками Сулеймана-паши. Наканунѣ того дня, наши войска были отбиты отъ Плевны. Приходилось передовой отрядъ оттянуть къ Балканамъ. Вотъ, тогда-то нашъ Шипкинскій отрядъ сталъ подумывать объ усиленіи своей позиціи, хотя все еще не вѣрили, чтобы турки могли

наступать. Однако, дѣло выходило именно такъ, и слѣдовательно, Шипкинскій проходъ надо было укрѣплять. Принялись за работы: насыпали кое-какіе бруствера (грунтъ былъ очень твердый и работать было тяжело), подѣлали кое-какія закрытія, выкопали ложементы... Вѣдь никакъ не предполагали, чтобы этимъ укрѣпленіямъ пришлось потомъ выдерживать атаки цѣлой арміи Сулеймана-паши; напротивъ, думали, что эти укрѣпленія нужны только на время; думали, что вскорѣ всѣ наши войска перейдутъ въ наступленіе.

Однако, на самомъ дѣлѣ вышло вотъ что: передовой отрядъ отступилъ, 20-го іюля, къ Балканамъ; турки наступали. Посланная на подкрѣпленіе передовому отряду 4-я дружина Болгарскаго ополченія со 2-ю батареей 9-й арт. бриг. возвращены были назадъ и оставлены на горѣ св. Николая, въ подкрѣпленіе Шипкинскому отряду. Болгарскія семейства бѣжали чрезъ Шипку подъ нашу защиту. Всѣ эти «бѣженцы» спѣшили спастись отъ звѣрства турокъ и бѣжали въ Габрово. Солдаты наши, всегда добрые къ несчастнымъ, помогали бѣглецамъ чѣмъ могли: давали воды, хлѣба, сухарей. Бѣглецы благословляли солдатъ и разсказывали, что скоро подойдетъ къ Шипкѣ большое войско Сулеймана... Между тѣмъ, 2-я батарея и Болгарское ополченіе размѣстились на позиціи: два орудія прапорщика М. поставлены были на батареѣ № 1, рядомъ со стальными орудіями, два орудія штабсъ-капитана П. поставлены были на особой маленькой батарейкѣ, фронтомъ къ деревнѣ Шипкѣ; остальныя 4 орудія поручика З* и прапорщика Г*—правѣе предъидущихъ двухъ орудій, фронтомъ къ Лысой горѣ.

Болгарское ополченіе размѣстилось по всей горѣ св. Николая, по большею частью около стальныхъ орудій. Начальникомъ всего отряда назначенъ былъ генералъ-маіоръ Столѣтовъ, начальникъ Болгарскаго ополченія. Между тѣмъ, наступилъ августъ. «Бѣженцы» продолжали бѣжать чрезъ Шипку и всѣ разсказывали, что скоро къ Шипкѣ подойдетъ большое войско Сулеймана-паши. Наши войска съ нетерпѣніемъ ожидали турокъ.

6-го августа турки подошли къ Казанлыку. Казанлыкъ отъ Шипки всего 10 верстъ. Теперь ужъ не было сомнѣнія въ томъ, что турки будутъ атаковать Шипкинскій проходъ. Всѣ, кто былъ тогда на позиціи, собрались на Николаѣ и смотрѣли, какъ турецкая армія вдали развертывалась, выходя изъ Казанлыка. А турки, какъ будто желая устрашить Шипкинскій гарнизонъ, выходили изъ Казанлыка медленно, медленно развертывались въ одну линію и двинулись къ деревнѣ Шейново, недалеко отъ Шипки. Наши все время смотрѣли на нихъ и старались опредѣлить число ихъ. Турокъ, повидимому, было тысячъ пятьдесятъ; нашихъ—тысячъ пять. Бой предстоялъ очень трудный, но наши не падали духомъ. Разъ побѣдивши турокъ на Дунаѣ, наши не считали ихъ опаснымъ противникомъ, тѣмъ болѣе тутъ, на горѣ св. Николая, когда самая позиція, мало доступная съ юга, усиливала наши оборонительныя средства.

7-го августа, съ горы Св. Николая увидѣли, что изъ Казанлыка показались большія массы непріятеля и въ большомъ порядкѣ двинулись къ сел. Шипкѣ. Не доходя до селенія верстъ восемь, армія турецкая остановилась бивуакомъ.

Всѣ, кто былъ на Николаѣ въ то время, смотрѣли на развертываніе турецкой арміи и высказывали разныя мнѣнія относительно намѣреній противника. Одни увѣряли, что Сулейманъ думаетъ только запереть съ юга Шипкинскій проходъ; другіе говорили, что, вѣроятно, онъ самъ пожелаетъ пройти черезъ Николай къ Габрову и онъ будетъ атаковать наши позиціи. Одно только всѣхъ занимало, почему это Сулейманъ развернулъ свою армію? Если онъ думалъ устрашить малочисленный шипкинскій отрядъ численностью своей арміи, то онъ въ этомъ ошибся.

На другой день (8-го августа), рано утромъ, турецкая армія спялась съ бивуака, приблизилась еще верстъ на шесть и остановилась совсѣмъ близко къ Шипкѣ, между Шейновымъ и Янпною. Тутъ разбили лагерь.

Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что турки будутъ атаковать Николай. Еще раньше послано было въ Тырново за подкрѣпленіями и теперь опять вторично послано извѣстіе, что Сулейманъ подошелъ къ перевалу.

Приближеніе непріятеля не произвело ничего особеннаго. Солдаты острили на разные лады надъ непріятелемъ, судили о немъ вкривь и вкось и, смѣясь, говорили: «пусть попробуетъ полѣзть сюда, мы ему покажемъ...» Между офицерами возникли пренія, откуда Сулейманъ поведетъ атаку, прямо-ли съ шоссе отъ сел. Шипки, или съ востока отъ горы Бердека, или съ запада?

Всѣ были различнаго мнѣнія относительно направленія атаки; но всѣ твердо были увѣрены, что непріятель будетъ отбитъ...

Между тѣмъ, все осталось по прежнему: ничего не предпринимали, ожидали, что дальше будетъ. Укрѣпленія такъ и остались въ прежнемъ видѣ: палатки, по прежнему, бѣлѣлись за орудіями; лошади, какъ и прежде, стояли на коновязи за турецкимъ валомъ; оставался и обозъ на прежнемъ мѣстѣ.

Въ эти дни на Николаѣ жили совершенно мирно, какъ на бивуакѣ. Вставъ довольно поздно, люди пили чай, каждый взводъ отдѣльно, на своей батареѣ. Потомъ расходились бродить по Николаю, разсматривая мѣстность, шутя изощрялись въ опредѣленіи на глазъ разстояній до разныхъ высотъ, окружающихъ Николай; ходили посмотрѣть, какъ и что устроено на центральной позиціи; заходили на стальную батарею и тутъ съ любопытствомъ осматривали орудія; наконецъ, спускались въ лощины и тамъ искали земляничку, которою любезно угощали своихъ офицеровъ. Въ 11 часовъ, собравшись въ порядкѣ, шли обѣдать къ краснымъ турецкимъ домикамъ, гдѣ стояла тогда кухня. Пища была обильная. Мяса люди ѣли вдвое больше, чѣмъ полагалось, такъ какъ болгары продавали за безцѣнокъ турецкій скотъ; въ первые дни по приходѣ, скотъ даже и даромъ доставляли жители Шипки. Людямъ выдавалось по два фунта бѣлаго хлѣба, который доставляли изъ Габрова покупкою у мѣстныхъ жителей; по иногда получали вмѣсто хлѣба — сухари. Ржанаго хлѣба не было гдѣ испечь, а его-то именно и просили люди. Въ обѣдъ люди получали по полъ-чарки крѣпкаго спирта. Послѣ обѣда люди отдыхали по своимъ палаткамъ, потомъ пили чай, ужинали и ложились спокойно спать, чтобы и завтра провесть такой же точно спокойный день.

Въ началѣ августа толпы болгаръ все болѣе и болѣе спѣшили перебраться, черезъ Николай, въ Габрово. Все это были бѣглецы изъ окрестностей Эски-Загры и Казанлыка. Проходя по Николаю, они разсказывали ужасы и звѣрства, производимыя турками среди оставшагося населенія. Они увѣряли, что скоро большое войско Сулеймана-паши скоро подойдетъ къ Николаю и будетъ атаковать его. Ихъ разсказамъ не слишкомъ вѣрили, зная ихъ склонность къ преувеличенію; однако же, нѣкоторые задумались и задавали себѣ вопросъ, какую роль придется играть маленькому отряду, если Сулейманъ-паша, въ самомъ дѣлѣ, будетъ атаковать Николай. Прошелъ день, другой, третій. Болгары продолжаютъ бѣжать чрезъ Николай; турокъ не видно, но «бѣженцы» увѣряютъ, что они скоро подойдутъ сюда.

4-я дружина Болгарскаго ополченія, 6-го августа, къ вечеру, отступила на половину подъема. Черкесы заняли село Шипку и зажгли его; пожаръ нѣсколько разъ потухалъ, но его снова возобновляли. Это дѣйствовало крайне непріятно на всѣхъ; люди наши, незадолго до того смѣявшіеся, теперь пріуныли.... Около 10-ти часовъ вечера, внизу, по дорогѣ въ Шипку, послышались ружейные выстрѣлы. Люди забѣгали на позиціи, крича: «турки наступаютъ!» Всѣ стали по мѣстамъ. На батареяхъ зарядили орудія картечью. Ждали непріятеля, одни—съ нетерпѣніемъ, другіе — съ полнымъ хладнокровіемъ, третьи — не совсѣмъ спокойно. Но всѣ вообще такъ вѣрили въ свое превосходство надъ непріятелемъ и въ неприступность позиціи, что никто не сомнѣвался въ отбитіи атаки.

Стояли въ готовности встрѣтить непріятеля, но онъ не являлся. Выстрѣлы затихли. Подождали еще; непріятель не подходилъ и всѣ разошлись. Это была пустая тревога: нѣсколько черкесовъ подобрались къ аванпостной цѣпи Болгарской дружины, по нимъ выстрѣлили, тѣ отвѣчали; завязалась перестрѣлка; выстрѣлы были услышаны на Шипкѣ. Черкесы отошли, а Болгарская дружина отступила на Шипкай и заняла приготовленныя для нея ложементы въ резервѣ

На батареяхъ наряжены были ночные дежурные на всю ночь; но и такъ изъ прислуги мало кто могъ спать. Часть занялась переноскою снарядовъ изъ ящиковъ къ орудіямъ и подготовляла ихъ; были и такіе, которые преспокойно спали, но ихъ было немного. Многіе вынули свои листки *) съ «Молитвою воина, идущаго на брань» и горячо молились....

9-го августа, рано утромъ, съ Шипкая замѣтили, что казачій пикетъ, стоявшій на вершинѣ Бердека, спускается съ нея и направляется къ Шипкаю. Черезъ нѣсколько времени казаки поднялись на Шипкай и разсказали, что турки въ большомъ числѣ поднимаются тропинками на Бердекъ. Дѣйствительно, около семи часовъ утра, непріятель показался на остроконечной вершинѣ Бердека. Простымъ глазомъ можно было видѣть, что это — рабочіе, строющіе батарею. Начальникъ позиціи тотчасъ же приказалъ командиру Стальной ба-

---

*) Печатные листки съ „Молитвою воина, идущаго на брань“ были розданы въ части 9-й дивизіи и въ батареи еще на походѣ въ городъ Леово. Съ тѣхъ поръ, солдаты не разставались съ этими листками; они всегда носили на груди и ихъ берегли. У нѣкоторыхъ солдатъ они сохранились и до сихъ поръ.

тареи, подпоручику Кисиемскому, открыть огонь по рабочимъ. Одновременно съ этимъ и подполковникъ Дроздовскій приказалъ открыть огонь 4-му взводу. Дистанція до Бердека (935 саж.) была еще ранѣе этого опредѣлена пристрѣлкою изъ стальныхъ орудій. Съ Малой батареи также пустили въ это время по Бердеку три гранаты.

III. Первыя атаки турокъ на Шипкинскій перевалъ 9-го августа.

9-го августа, около 9-ти час. утра, непріятель, большими массами, сталъ спускаться съ высоты, лѣвѣе Бердека. Выйдя на скатъ, колонны разомкнулись и открыли частую ружейную пальбу по всему Николаю. Лишь только открылась стрѣльба, немедленно приказано было отправить всѣхъ лошадей внизъ, въ Габрово.

Лишь только показались непріятельскія массы, Стальная, 4-й взводъ и Малая батарея открыли частый огонь. Стальная била обыкновенными гранатами, за исключѣніемъ картечныхъ; 4-й взводъ и Малая батарея—картечными гранатами. Не смотря на сильный огонь, непріятель продолжалъ спускаться къ самой сѣдловинѣ. Но тутъ кусты, коими покрытъ былъ весь скатъ, кончались и начиналось открытое мѣсто. Густыя цѣпи и группы непріятеля выбѣгали на это мѣсто, но здѣсь рѣдѣли отъ картечныхъ гранатъ 4-го взвода и отъ мѣткой стрѣльбы со Стальной. Собравшись большими массами, турки перешли это мѣсто и спустились въ сѣдловину, гдѣ выстрѣлы со Стальной и 4-го взвода не могли ихъ поражать. Но лишь только стали под-

ниматься на скатъ Николая, какъ были встрѣчены усиленнымъ огнемъ съ фронта—Стальной и 4-го взвода, съ тыла—Центральной и Круглой батарей (эти двѣ батареи обстрѣливали и сѣдловину). Подъ сильнѣйшимъ огнемъ съ батарей, непріятель массами спускался къ сѣдловинѣ, тутъ устраивался, выдвигалъ густыя цѣпи и, подъ прикрытіемъ безпрерывнаго ружейнаго огня, лѣзъ по пологому скату Николая на флангъ Стальной, гдѣ стояло горное орудіе. Но лишь только толпы высыпали на скатъ, Стальная, 4-й взводъ и горное орудіе усиливали стрѣльбу; 4-й взводъ бралъ во флангъ, горное—въ другой, а Стальная—косвенно во фронтъ. Дѣйствіе картечныхъ гранатъ 4-го взвода (на 300 саж.) было страшное: каждый разъ послѣ залпа, непріятель отхлынивалъ назадъ, къ сѣдловинѣ, чтобы тутъ собраться и устроиться. Не допустивъ непріятеля до горнаго орудія, Стальная и 4-й взводъ опять обратили огонь свой на скатъ высоты, лѣвѣе Бердека, откуда продолжали спускаться къ сѣдловинѣ большія массы. Ни дѣйствіе картечныхъ гранатъ 4-го взвода, ни дѣйствія Стальной батареи не могли остановить движенія массъ къ сѣдловинѣ; разсѣянныя толпы замѣнялись свѣжими. А между тѣмъ, со ската, лѣвѣе Бердека, производилась неумолкаемая стрѣльба. Весь скатъ заволокся дымомъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, направленныхъ на восточный скатъ Николая; но ни въ 4-мъ взводѣ, ни на Стальной потери не были въ это время велики: непріятельскіе стрѣлки, за дымомъ своихъ выстрѣловъ, не могли видѣть прислуги и били не цѣлясь, прямо передъ собою, въ гору.

Малая батарея, въ это время, не имѣя предъ

собою цѣли, обратила свой огонь, картечными гранатами, такъ-же на скатъ, лѣвѣе Бердека. Но не успѣла сдѣлать двухъ очередей, какъ густыя колонны непріятеля, предшествуемыя двойною цѣпью стрѣлковъ, показались на площадкѣ и стали выдвигаться вправо и влѣво (къ шоссе и лощинѣ), имѣя, повидимому, намѣреніе атаковать «Скалы». Цѣпь на ходу открыла частый огонь по Скаламъ. Огонь этотъ усиливался еще и бѣглымъ огнемъ небольшихъ сомкнутыхъ частей, двигавшихъ непосредственно за цѣпью.

Стрѣлковая рота Орловцевъ, занимавшая ложементы на Скалахъ лѣвѣе и правѣе Малой батареи, за дальностью разстоянія не могла стрѣлять.

Малая батарея тотчасъ-же направила выстрѣлы картечными гранатами (550 саж.) на сомкнутыя части. Не дойдя до Скалъ, непріятельскія толпы свернули частью влѣво, на шоссе, и потомъ внизъ, въ кустарникъ, и частью—вправо, въ лощину.

Въ то-же время, на площадкѣ собирались новыя части и опять двигались къ Скаламъ, все время стрѣляя по ложементамъ и Малой батареи на ходу. Картечныя гранаты Малой батареи заставили разсыпаться и эти части; но за ними двигались другія, свѣжія.

Малая батарея ни на минуту не прекращала огня, такъ какъ отъ ея дѣйствія зависѣла участь этой части Николая.

Между тѣмъ, непріятельскія толпы успѣли пробраться по лощинѣ вверхъ и вышли на юго-западный скатъ противъ Большой батареи. Немедленно огонь изъ 4-хъ орудій Большой батареи былъ открытъ по всему скату. Непріятель разсыпался и изъ-за кустовъ осыпалъ ба-

тарею и вообще эту часть Николая градомъ пуль. 1-й взводъ и 3-й взводъ стрѣляли картечными гранатами (безъ перестановки трубки) по всему скату. Непріятель, залегши въ кустарникѣ, не подвигался далѣе, такъ какъ передъ самою батареею было вырублено отъ кустовъ пространство сажень на 50. Какъ только группы непріятельскихъ стрѣлковъ бросались изъ-за кустовъ впередъ, съ цѣлью перебѣжать къ батареѣ, залпъ картечными гранатами 1-го взвода (поручика Зенковича), заставлялъ ихъ, съ большими потерями, опять уходить въ кусты. Нѣсколько разъ непріятель обнаруживалъ эту попытку, но не могъ выйти на открытое мѣсто. Тогда нѣсколько большихъ группъ непріятеля, кустарникомъ, придвинулись къ лощинѣ вправо и вышли какъ разъ противъ 3-го взвода.

Появленіе непріятеля въ этой сторонѣ, и такъ близко отъ 3-го взвода, было такъ неожиданно, что атака могла увѣнчаться успѣхомъ; но непріятель что-то замѣшкался, остановился; передніе люди дали залпъ по батареѣ. Оба орудія ударили картечью и непріятель бросился обратно въ лощину.

Между тѣмъ, непріятелю удалось поставить два орудія на вершинѣ Бердека. Ни 4-й взводъ, ни Стальная батарея, будучи заняты въ это время стрѣльбою по пѣхотѣ, не могли предупредить установки орудій на Бердекѣ. Стрѣляя по атакующимъ, они оставили Бердекъ безъ вниманія. Непріятель воспользовался этимъ временемъ, по горнымъ тропинкамъ ввезъ орудія на Бердекъ и сталъ пристрѣливаться къ Стальной. Пристрѣлка шла довольно долго, получались большіе недолеты и перелеты. Между тѣмъ, непріятельская

пѣхота уже отступила въ это время со ската Николая въ сѣдловину и на противуположный скатъ, такъ что Стальная батарея могла обратить теперь огонь на Бердекъ. 4-й же взводъ, по приказанію командира, картечными гранатами продолжалъ обстрѣливать противуположный скатъ, по временамъ давая залпы по густымъ толпамъ, выходившимъ изъ кустовъ на открытое мѣсто, съ цѣлью спуститься въ сѣдловину. Не долго продолжалась перестрѣлка между Стальною и Бердекомъ. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня съ Бердека, непріятель опять двинулся изъ сѣдловины на скатъ Николая. Ружейный огонь съ противуположной высоты усилился, но непріятель не рѣшался выходить изъ-за кустовъ; картечныя гранаты съ 4-го взвода осыпали весь этотъ скатъ своими пулями. Лишь только густыя толпы непріятеля показались на пологомъ скатѣ Николая, 4-й взводъ оставилъ стрѣльбу по прежней цѣли и обратилъ бѣглый огонь свой на атакующихъ. Подъ сильнымъ огнемъ со Стальной и 4-го взвода, атакующій не остановился; цѣпь его бросилась вправо, къ горному орудію, а толпы бѣгомъ двинулись къ Стальной, на бѣгу безпрерывно стрѣляя. Непріятель былъ встрѣченъ картечными гранатами 4-го взвода. Эти залпы принудили непріятеля поспѣшно броситься назадъ, къ сѣдловинѣ, но цѣпь оставалась еще и бросилась впередъ. Болгарское ополченіе и Орловцы штыками отбросили атакующихъ, а Стальная, 4-й взводъ и горное орудіе проводили непріятеля до сѣдловины своими гранатами. Отбивши и эту атаку, Стальная и 4-й взводъ обратились къ прежнимъ цѣлямъ: Стальная била по Бердеку, а 4-й взводъ—по скату, лѣвѣе Бердека.

Это было въ 11 часовъ дня. Въ то время, какъ на восточномъ склонѣ отбивали одну атаку за другою, Малая батарея, картечными гранатами, удерживала наступленіе непріятеля съ шоссе къ Скаламъ. Хотя ранѣе замѣтно было, что непріятель намѣренъ атаковать Скалы, когда онъ еще, подъ прикрытіемъ непрерывнаго ружейнаго огня, обходилъ Николай по лощинамъ, съ цѣлью зайти во флангъ 4-го взвода и Большой батареи; но въ это время прямо обнаружилось намѣреніе атаковать Скалы. Чтобы облегчить атаку Скалъ, съ Бердека стали пристрѣливаться къ Малой батареѣ. Не отвѣчая на огонь съ Бердека, Малая батарея била картечными гранатами по толпамъ, бѣжавшимъ къ Скаламъ, чтобы скрыться въ мертвомъ пространствѣ. Но тутъ залпы Орловцевъ опрокинули атакующаго, а картечныя гранаты съ Малой батареи окончательно довершили пораженіе: непріятель поспѣшно бѣжалъ за кусты, лѣвѣе шоссе, а частью бросился къ лощинѣ вправо и тамъ скрылся, войдя потомъ этою лощиною на юго—западный скатъ Николая, противъ Большой батареи. Отбивши эту атаку, Малая батарея сосредоточила свой огонь на кустахъ, за дорогою влѣво. Оттуда непріятель открылъ непрерывную стрѣльбу по Скаламъ и по батареѣ, чтобы, подъ прикрытіемъ этого огня, дать время свѣжимъ силамъ подняться снизу и выдти на шоссе. Лишь только замѣчены были новыя толпы на площадкѣ, Малая батарея дала залпъ по этимъ толпамъ. Въ то-же время и съ Большой батареи одно орудіе (1-го взвода, поручика Зенковича), повернуто было въ сторону площадки и такъ-же било картечною гранатою. Подъ огнемъ трехъ орудій, не-

пріятель не устоялъ и принужденъ былъ отступить влѣво, въ лощину, въ кусты. Тутъ непріятель устроился и двинулся по скату, во флангъ 4-го взвода; давъ непріятелю выдти изъ-за кустовъ, Малая батарея дала залпъ картечными гранатами (250 саж). Непріятель не остановился, бросился впередъ; но тогда былъ встрѣченъ еще выстрѣлами изъ 3-го орудія и послѣ того отступилъ въ кусты и обратно въ лощину.

Тѣмъ временемъ, Большая батарея, картечными гранатами, обстрѣливала весь юго-западный скатъ Николая и не допускала непріятеля обойти позицію съ запада. По временамъ, когда непріятель обнаруживалъ попытку выдти изъ кустовъ и броситься на батарею, оба взвода дѣйствовали вмѣстѣ по тому пункту, гдѣ собирался непріятель, и разгоняли его картечными гранатами (250 саж. и меньше). Затѣмъ, 1-й взводъ, однимъ орудіемъ, обстрѣливалъ кусты, а другимъ—выходъ изъ лощины, чрезъ который свѣжія непріятельскія части прибывали на юго-западный скатъ, для усиленія уже дѣйствующихъ тутъ частей.

3-й взводъ обоими орудіями обстрѣливалъ скатъ прямо предъ собою, по временамъ посылалъ нѣсколько гранатъ изъ одного орудія вправо, на открытое мѣсто, куда непріятель пытался выдти, для охвата Николая съ запада.

Слѣдствіемъ такого дѣйствія Большой батареи было то, что непріятель не рѣшился атаковать этого пункта, отказался отъ обхода Николая съ запада и ограничился обстрѣливаніемъ безпрерывнымъ огнемъ, въ теченіи всего дня до поздняго вечера, этой части Николая.

Непріятельскіе стрѣлки задались цѣлью перебить

всю прислугу на Большой батареѣ; заряжаніе становилось затруднительнымъ подъ такимъ огнемъ, и потому стрѣльбу на нѣсколько минутъ прекратили. Но, замѣтивъ малѣйшую попытку непріятеля выдти изъ-за кустовъ, снова били усиленно по всему скату.

Было уже 12 часовъ. Жара стояла сильная. Утомленные боемъ, защитники работали уже не съ такою энергіей. Всѣмъ хотѣлось пить, но воды на батареяхъ не было; идти за нею къ фонтану внизъ не рѣшались, такъ какъ весь Николай, съ трехъ сторонъ, обстрѣливался безпрерывнымъ ружейнымъ огнемъ. Къ тому-же, каждую минуту можно было ожидать новыхъ атакъ. Пробовали пить воду, находившуюся въ баклагахъ; отъ частаго моченія банника, она превратилась въ жидкую грязь и производила рвоту. Отважные Орловцы и ополченцы отправлялись внизъ, къ фонтану: иные возвращались, иные оставались у этого фонтана—мертвыми; но рѣдко кто доносилъ котелокъ съ водою: большею частью, на бѣгу разливали воду и приносили незначительное количество,—едва хватало по глотку двумъ-тремъ человѣкамъ.

На Стальной батареѣ было нѣсколько турецкихъ жестяныхъ манерокъ, съ узкимъ горлышкомъ и съ крышкой. Возвращавшіеся люди приносили на батарею двѣ-три, почти полныя, манерки воды.

Около 11-ти часовъ прибыли первыя подкрѣпленія—роты Брянскаго полка, и расположились въ резервѣ за Круглой батареей.

Отбитый, уже нѣсколько разъ въ теченіи этого времени, непріятель все еще пытался атаковать Стальную. Но эти атаки были не такія рѣшительныя, какъ

прежнія. Непріятель выходилъ изъ сѣдловины, открывалъ бѣглый ружейный огонь, поднимался на скатъ Николая; но тутъ его встрѣчали усиленнымъ огнемъ со Стальной, гранатами и картечными гранатами 4-го взвода, и непріятель отступалъ въ сѣдловину. Подъ сильнымъ огнемъ со Стальной и 4-го взвода, непріятель не могъ придвинуться ближе къ батареямъ и, смѣшавшись, отступалъ опять въ сѣдловину. Тогда Стальная обращала огонь свой на Бердекъ, а 4-й взводъ—на скатъ, лѣвѣе Бердека. Малая батарея въ это время обстрѣливала кусты, влѣво отъ дороги въ Шипку. Огнемъ своихъ картечныхъ гранатъ Малая батарея недопускала непріятеля выдвинуться къ правому флангу 4-го взвода и тѣмъ оберегала Стальную батарею отъ атаки справа.

Когда непріятель показался на площадкѣ, съ цѣлью усилить части, дѣйствовавшая въ кустахъ влѣво отъ дороги, Малая батарея била залпами на эту площадку, и непріятель скрывался за уступъ. Вслѣдствіе удачнаго дѣйствія картечныхъ гранатъ въ эти минуты, непріятель не могъ двинуть части на подкрѣпленіе людей, находившихся въ кустахъ и въ лощинѣ за ними, и поэтому-то атака на правый флангъ 4-го взвода, (а слѣдовательно и Стальной), не могла быть произведена въ это время.

Большая батарея, между тѣмъ, стрѣляла картечными гранатами по южному (1-й взводъ) и юго-западному (3-й взводъ), скатамъ Николая. Непріятель здѣсь уже болѣе не пытался ни двинуться изъ кустовъ къ батареѣ, ни пройти къ западному скату. Поэтому, огонь на Большой батареѣ, въ этотъ періодъ, нѣсколько

ослабѣлъ; стрѣльба снова усиливалась, когда непріятель показывался у выхода изъ лощины. Около 3-хъ часовъ пополудни, непріятель произвелъ еще атаку на тотъ же пунктъ, гдѣ стояло горное орудіе. Огонь съ Бердека къ этому времени усилился, но на него ни съ 4-го взвода, ни со Стальной, не отвѣчали, а стрѣляли по непріятельскимъ толпамъ, поднимавшимся изъ сѣдловины. Часть атакующихъ двинулась прямо къ Стальной, другая-же, большая часть, прошла небольшою лощиною вправо. Въ этотъ разъ непріятель наступалъ рѣшительно. Открывъ на ходу огонь, стрѣлки дружно, густою цѣпью, подымались къ лѣвому флангу Стальной. За цѣпью слѣдовали толпы. Отдѣльные смѣльчаки выбѣгали еще впередъ цѣпи и били въ прислугу Стальной. Непріятель былъ уже близко; Стальная не могла стрѣлять въ передднихъ атакующихъ,— тутъ было мертвое пространство, и они быстро подвигались; Орловцы и ополченцы дали залпъ съ лѣвой стороны. Непріятель смѣшался, остановился; съ 4-го взвода далъ залпъ картечью; ополченцы и Орловцы такъ-же; атакующій бросился поспѣшно бѣгомъ назадъ, покрывая трупами весь скатъ. Залпы и бѣглый огонь прикрытія и частый огонь со Стальной и 4-го взвода провожали бѣгущихъ по всему скату до тѣхъ поръ, пока они скрылись въ лощинѣ. Послѣ отбитія этой атаки, непріятельскій артиллерійскій огонь съ Бердека значительно ослабѣлъ, а потомъ и совсѣмъ прекратился. Стальная батарея, имѣя въ виду сберечь снаряды для болѣе близкой стрѣльбы, въ случаѣ атаки, такъ-же ослабила свой огонь; только изрѣдка пускала гранаты на скаты высоты, лѣвѣе Бердека, откуда непріятельскіе стрѣлки,

засѣвъ въ кустахъ, все еще безпрерывно били по Стальной.

Малая и Большая батареи, въ этотъ періодъ, вели слабую стрѣльбу по прежнимъ цѣлямъ, но не прекращали стрѣльбы, чтобы не дать непріятелю подойти, на близкое разстояніе, къ нашимъ ложементамъ. Большая батарея только тѣмъ и удерживала непріятеля отъ атаки на эту часть Николая. Непріятель принужденъ былъ, огнемъ 3-го взвода, подать свой лѣвый флангъ, которымъ онъ намѣревался охватить Николай справа, назадъ и очистить весь западный скатъ; 1-й-же взводъ заставилъ непріятеля отойти далѣе, въ кусты.

Въ шесть часовъ вечера стрѣльба съ батарей Николая значительно ослабѣла. Непріятель оставался на прежнихъ мѣстахъ, все время поддерживая сильный ружейный огонь по всему Николаю. Батареи отвѣчали слабымъ огнемъ. Утомленные безпрерывнымъ боемъ, защитники отдыхали, ожидая новыхъ атакъ. Жажда мучила всѣхъ. Небольшое количество воды, бывшее въ запасѣ, было выпито; орудія давно уже не банились съ водою; необходимо было ихъ выбанить. Отойти отъ орудій не рѣшались, каждую минуту ожидая новой атаки; ящичные вожатые, тѣхъ ящиковъ, которые были свободны отъ снарядовъ, пускались смѣло къ фонтану, но воду трудно было донести подъ пулями съ трехъ сторонъ.

Начинало смеркаться. Ружейная пальба не прекращалась. Теперь полагали, что непріятель отложитъ атаку до завтра, или произведетъ ее въ ночь. Хотя турки еще и въ это время обстрѣливали Николай, но теперь, подъ прикрытіемъ сумерекъ, можно было выдти изъ ложементовъ и батарей. На всякій случай, на ба-

тарсяхъ всѣ оставались въ готовности; орудія зарядили картечью, при каждомъ изъ нихъ стояло двое нумеровъ. Остальные люди отдыхали тутъ-же, а часть пошла за водой и за сухарями, къ сухарной фурѣ, стоявшей у красныхъ турецкихъ домиковъ. Здѣсь-же, весь день дожидалъ людей одинъ изъ артельщиковъ, съ порціями мяса на всѣхъ; отъ жары мясо испортилось и его никто не хотѣлъ ѣсть. Люди подкрѣпили себя сухарями, а главное, освѣжились водою и отдохнули. Тотчасъ начали носить снаряды изъ ящиковъ на батарею для завтрашней стрѣльбы. Уже совсѣмъ стемнѣло. Въ это самое время раздались ружейные выстрѣлы подлѣ Стальной; турки бросились къ ней, но были встрѣчены картечью и залпами Орловцевъ и ополченцевъ.

Это была послѣдняя, девятая, атака въ этотъ день.

Непріятель отступилъ. Завизжали турецкіе рожки. Это не былъ тотъ сигналъ, который играли во все время веденія атакъ на Стальную, а какой-то длинный, протяжный и однообразный. Многіе думали, что это сборъ солдатъ для атаки — и ожидали ея. Нѣкоторые говорили, что это сборъ на работу. Ополченцы объяснили, что сигналъ этотъ—молитвенный призывъ для всѣхъ мусульманъ; вѣрнѣе всего, что это былъ сборъ на работу; когда затихли послѣдніе звуки рожковъ, до напряженнаго слуха нашихъ защитниковъ дошелъ стукъ о каменистый грунтъ шанцеваго инструмента. Не было никакого сомнѣнія, что непріятель окапывается, чтобы, подъ огнемъ съ укрѣпленій, возобновить завтра атаки; сегодня, слѣдовательно, онъ уже не разсчитывалъ предпринимать наступленія.

Такимъ образомъ прекратились атаки 9-го августа. Въ этихъ атакахъ участвовали, по показаніямъ Сулеймана-паши, 28 баталіоновъ.

У насъ въ боевую линію были введены только два баталіона Орловскаго полка и двѣ дружины болгарскаго ополченія.

Только теперь, когда наступили сумерки, можно было привести въ извѣстность число выбывшихъ изъ строя людей, число израсходованныхъ снарядовъ; только теперь можно было и на батареяхъ приняться за работы по усиленію брустверовъ.

Немедленно командиръ батареи отправился осмотрѣть свои взводы 2-й, 1-й и 3-й. Вездѣ люди и офицеры жаловались на недостаточность закрытій. Положено было, въ ту же ночь, возвысить бруствер.

Изъ доставленныхъ свѣдѣній оказалось, что въ этотъ день въ нашей батареѣ убито нижнихъ чиновъ 4 и ранеными 13 (на Стальной, кромѣ того, убито 4 и ранено 7); ранены 2 артиллерійскія лошади и одна подъемная. Снарядовъ выпущено—картечныхъ гранатъ около 500, обыкновенныхъ около 400 и картечей 20.

Вся убыль въ прислугѣ была отъ ружейнаго огня непріятеля. Если, съ одной стороны, большую убыль въ прислугѣ объясняли себѣ этимъ безпрерывнымъ огнемъ непріятеля, въ теченіи двѣнадцати часовъ, то, съ другой стороны, защитники сами сознавали, что причиною тому была такъ-же и недостаточность закрытій: всѣ орудія стрѣляли чрезъ банкъ, и во время ихъ заряжанія, прислуга слишкомъ много показывалась изъ-за бруствера, высота котораго была только 2 фута. Даже и при способѣ заряжанія съ разстановками, ко-

торый употреблялся при нѣкоторыхъ орудіяхъ, въ тѣ немногія минуты, когда производилась рѣдкая стрѣльба, потери, все-таки, вышли значительными, но онѣ были-бы, навѣрно, еще больше, еслибы не прибѣгали къ этому способу заряжанія, при чемъ прислуга работала стоя на колѣняхъ.*).

Всѣ одинаково сознавали необходимость увеличить закрытія и этимъ устранить одну изъ главныхъ причинъ большой убыли въ людяхъ. Но работать послѣ двѣнадцати-часоваго боя и притомъ въ крѣпкомъ грунтѣ, работать тогда, когда всѣ такъ были утомлены, было крайне изнурительно. Нуженъ былъ отдыхъ, а необходимость заставляла работать. Успѣхъ работы не могъ быть великъ. Сдѣлали все, что время и обстоятельства дозволили сдѣлать... Начали работы около 10-ти часовъ вечера.

Кромѣ всего, по распоряженію начальника позиціи, на каждую батарею назначено было отъ Орловцевъ по 30-ти человѣкъ рабочихъ; но на Стальной почему-то работала только своя прислуга. Работы производились на каждой батареѣ подъ наблюденіемъ своихъ офицеровъ; главная цѣль, которая имѣлась въ виду при выполненіи работъ, это — предохраненіе прислуги отъ ружейнаго огня; закрытіе орудій было на второмъ планѣ,

---

*) Наводка должна была производиться какъ можно скорѣе, чтобы наводчикъ не долго сидѣлъ на лафетѣ. Затѣмъ 1-й номеръ производилъ выстрѣлъ. За дѣйствіемъ гранаты слѣдилъ офицеръ, фейерверкеръ и наводчикъ; остальные люди, подъ прикрытіемъ клуба дыма, накатывали орудіе и потомъ всѣ садились ближе къ брустверу и въ ровикахъ, чтобы дать время пролетѣть непріятельскимъ пулямъ. Наиболѣе продолжительное дѣйствіе было баненіе, досылка и наводка; поэтому и большая часть раненыхъ были изъ 4-хъ номеровъ и наводчиковъ.

такъ какъ орудіямъ необходимо было имѣть большой обстрѣлъ.

Въ 4-мъ взводѣ, дерниnами, нарѣзанными въ оврагахъ и по склонамъ Николая, увеличили высоту бруствера, по всей его длинѣ, на полъ-фута. Кромѣ того, противъ ровиковъ и по флангамъ, увеличили высоту бруствера на одинъ футъ, чтобы предохранить нѣсколько прислугу отъ пуль, во время заряжанія. Сверху дернинъ насыпали наносной, съ турецкихъ брустверовъ, земли, на значительную толщину. Справа сдѣлали, изъ дернинъ-же, небольшой эполементъ, для защиты отъ пуль съ этой стороны.

Наконецъ, углубили, уширили и удлинили на одинъ футъ ровики по сторонамъ орудій; подъ брустверомъ углубили немного больше и образовали помѣщеніе для снарядовъ. Переноска снарядовъ подъ огнемъ была крайне опасна, поэтому, теперь же, часть снарядовъ перенесли на самыя батареи и здѣсь заранѣе ихъ подготовили.

На Стальной батареѣ насыпаны были бонеты между желобами. На этой батареѣ работъ приходилось производить меньше чѣмъ на другой. При первоначальномъ укрѣпленіи позиціи, на Стальную обращено было особенное вниманіе, поэтому она и вышла значительно лучше другихъ. Тѣмъ не менѣе, и на Стальной прислуга слишкомъ много терпѣла отъ непріятельскаго ружейнаго огня, такъ какъ орудія, все-таки, стояли открыто. Бонеты могли защищать прислугу, еслибы они сдѣланы были толще.

На Малой батареѣ прислуга уширила и углубила ровики, брустверъ обложила дернинами въ одинъ рядъ, а со стороны Бердека сдѣлали бонетъ въ два фута

вышины, изъ дернинъ же. Наконецъ, у 4-го орудія, наиболѣе терпѣвшаго отъ выстрѣловъ, сдѣлали что-то въ родѣ амбразуры, съ широкимъ наружнымъ отверстіемъ.

На Большой батареѣ такъ-же уширили и углубили ровики и возвысили брустверъ дернинами.

Вотъ все, что могли сдѣлать утомленные 12-ти часовымъ боемъ защитники. Сознавали, что необходимо было-бы сдѣлать и лучшія закрытія, но отъ усталости не могли работать надъ укрѣпленіями, тѣмъ болѣе, что надо было подвести снаряды на батарею и подготовить ихъ и, главное, прочистить орудія. Въ теченіи цѣлаго дня, шла усиленная стрѣльба, но орудія лишь въ началѣ боя банились съ водою. Затѣмъ, такъ какъ это дѣйствіе самое продолжительное, и при исполненіи его часто теряли наивыгоднѣйшіе моменты для стрѣльбы, отъ которыхъ зависѣла нерѣдко участь той или другой части Николая, — баненіе съ водою было оставлено. Банили орудія именно въ тѣ минуты, когда не представлялось надобности учащать огонь, когда не представлялось особенно важныхъ цѣлей, или когда люди, слишкомъ утомившись дѣйствіемъ, прекращали на время стрѣльбу. Такимъ образомъ, баненіе съ водою нѣкоторыхъ орудій приходилось послѣ 15—20 выстрѣловъ, да и то въ началѣ боя. Наконецъ, вода въ баклагахъ загрязнилась на столько, что баненіе, не только не очищало канала, но еще болѣе загрязняло его и, поневолѣ, банили сухимъ банникомъ.

Въ теченіи дня, во время стрѣльбы не примѣчали прорыва пороховыхъ газовъ; невозможно было услѣдить за нимъ во время боя. Теперь обратили на это

вниманіе; въ нѣкоторыхъ орудіяхъ образовался прорывъ; исправили это подкладываніемъ латунныхъ листовъ, а запасныя плитки и кольца берегли на случай болѣе сильнаго прорыва.

Легко раненые, оставшіеся во все время дня на своихъ мѣстахъ, теперь отправлялись на перевязочный пунктъ, къ турецкимъ домикамъ. Тамъ, перевязавши рану, оставались недолго и возвращались на свои батареи. Тяжело раненые выносились, во время боя, санитарами на перевязочный пунктъ, оттуда потомъ были отправляемы въ подвижной дивизіонный лазаретъ. Тѣла убитыхъ зарывали на самомъ Николаѣ.

Поздно ночью, покончивъ всѣ работы и зарядивъ орудія картечью, защитники уснули, подъ прикрытіемъ сторожевыхъ цѣпей отъ Орловцевъ и ополченцевъ. Но этотъ сонъ не могъ быть укрѣпляющимъ....

IV. Атаки турокъ на никитинскую позицію 10-го, 11-го и 12-го августа.

Плохо спалось въ ночь на 10-е августа. Хотя люди и были очень утомлены, но возбужденіе перваго боя на столько было сильно, что преодолѣвало усталость. Ожидали атаки. Но и непріятель былъ на столько разстроенъ, что не могъ въ эту ночь предпринять никакихъ дѣйствій. Онъ ограничился укрѣпленіемъ своей позиціи. Цѣлую ночь у него раздавался стукъ шанцеваго инструмента.

Еще было темно, когда наши люди принялись за работу; наполнили водою всю посуду, которая имѣлась; разобрали изъ парка послѣдніе снаряды, подготовили ихъ, запаслись сухарями.

Съ разсвѣтомъ, открылась ружейная стрѣльба. За ночь непріятель успѣлъ вывести ложементъ на площадкѣ передъ Малой батареей; еще другой ложементъ былъ насыпанъ въ такомъ направленіи, что изъ него можно было фланкировать Стальную и 4-й взводъ.

Противъ Большой батареи также вывели ложементъ въ направленіи, дававшемъ возможность обстрѣливать юго-западный скатъ Николая. Такимъ образомъ, Николай обстрѣливался въ этотъ день ружейнымъ огнемъ съ трехъ сторонъ.

Около 6-ти часовъ утра конныя батареи открыли огонь.

Стальная и 4-й взводъ состязались съ Бердекомъ, на которой теперь установлено было еще четыре орудія. За ночь непріятель успѣлъ подвезти орудія, установить и окопать ихъ. Очевидно, непріятель считалъ важнымъ пунктомъ гору Бердекъ потому, что съ нея можно было обстрѣливать весь Николай и подготовить атаку на Стальную батарею, — пунктъ на Николаѣ, который считался непріятелемъ наиболѣе доступнымъ и удобнымъ для атаки. Стрѣльба велась между Стальною и Малымъ Бердекомъ оживленная. Непріятель пристрѣлялся хорошо къ Стальной. Цѣлью его было подбить стальныя орудія, въ чемъ онъ частью и успѣлъ. Стрѣльба Стальной по Бердеку не могла теперь назваться удачною. Снаряды были на исходѣ, ихъ нужно было сберегать для болѣе близкой стрѣльбы въ случаѣ атаки; непріятель-же не стѣснялся расходованіемъ снарядовъ, имѣя безопасный подвозъ на вьюкахъ по тропинкамъ по ту сторону горы. Прислуга Стальной подвергалась сильнѣйшему фронтовому и флан-

говому ружейному непріятельскому огню и потому не могла обладать спокойствіемъ, необходимымъ для веденія стрѣльбы по такой цѣли, какъ непріятельская батарея на Бердекѣ, представлявшаяся глазу одною небольшою темною линіей на остроконечной вершинѣ горы.

Еще одно обстоятельство имѣло большое вліяніе на успѣхъ непріятельской стрѣльбы съ Бердека: насыпанныя за ночь бонеты на брустверѣ Стальной, ясно обрисовавшія амбразуры, облегчили непріятельской батареѣ пристрѣливаніе къ брустверу Стальной.

Два орудія 4-го взвода имѣли цѣлью помочь Стальной въ дѣйствіи по Бердеку. Находясь въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ Стальная, нетревожимый стрѣльбою непріятеля съ фланга, отъ которой онъ закрытъ былъ ложементомъ, 4-й взводъ удачно обстрѣливалъ Бердекъ гранатами. Непріятель, имѣя цѣлью сбить стальныя орудія и, не будучи въ состояніи сдѣлать этого подъ огнемъ 4-го взвода, по временамъ пускалъ залпы изъ всѣхъ орудій въ этотъ взводъ, что и принуждало послѣдній прекращать стрѣльбу на нѣкоторое время. Но лишь только непріятель опять сосредоточивалъ огонь на Стальной, 4-й взводъ снова принимался бить по Бердеку. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ боя, 4-й взводъ отвлекалъ огонь Бердека на себя, и этимъ дѣйствіемъ спасъ Стальную отъ окончательнаго разрушенія.

Въ то время, какъ дѣйствіе батареи на Бердекѣ по Стальной грозило окончательнымъ разрушеніемъ этой послѣдней, Малая батарея обратила свой огонь на новую цѣль.

Въ эту ночь, сзади непріятельскаго ложемента, выведеннаго фронтомъ къ Скаламъ и флангами примыкавшаго къ дорогѣ въ село Шипку и къ оврагу,—на той площадкѣ, гдѣ производилось сосредоточеніе непріятеля съ цѣлью атаковать правый флангъ Стальной или самыя Скалы, непріятель заложилъ новую батарею.

Турки поняли важное значеніе Малой батареи, которая, своимъ огнемъ, оберегала Скалы отъ атаки и не допускала усиливать части, дѣйствующія противъ Большой батареи. Для непріятеля являлось необходимостью сбить Малую батарею, чтобы имѣть возможность безпрепятственно сосредоточивать войска на дорогѣ въ Шипку для атаки Скалъ, праваго фланга Стальной или для атаки Большой батареи. Для сбитія нашей Малой батареи непріятель и поставилъ батарею на площадкѣ, у фонтана.

Командиръ Малой батареи, шт.-кап. Пѣуповъ, съ своей стороны рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы сбить непріятельскую батарею, такъ какъ онъ понималъ, что если дозволить непріятелю пристрѣляться къ Скаламъ, то Малая батарея не будетъ въ состояніи держаться подъ огнемъ ружейнымъ съ фронтальнаго ложемента и подъ артиллерійскимъ съ батареи. Непріятель же именно и избралъ этотъ пунктъ для батареи, какъ такой, который усиливался еще и ложементомъ впереди; подъ прикрытіемъ сильнѣйшаго огня изъ ложемента, непріятель предполагалъ начать мѣткую артиллерійскую стрѣльбу. Малая батарея оставила тогда стрѣльбу по ложементу, которую производила съ цѣлью не допустить сосредоточиться тутъ новымъ частямъ, и обратила весь огонь на батарею, прежде, чѣмъ эта послѣд-

пія сама открыла огонь по Скаламъ. Дистанція до непріятельской батареи была почти та-же, что и до ложемента, и составляла 500 саж. Первые же два выстрѣла, съ Малой батареи, обвалили брустверъ.

Непріятель не отвѣчалъ. Отважные рабочіе бросились поправлять обвалъ въ ту-же минуту. Но этого не удалось имъ сдѣлать: съ Малой батареи дали залпъ гранатами и разогнали рабочихъ. А между тѣмъ, изъ ложемента всѣ выстрѣлы сосредоточились на Малой батареѣ. Продолжать стрѣльбу было невозможно подъ такимъ огнемъ, да теперь и надобности въ ней не предстояло: непріятельская батарея молчала.

Не давъ непріятелю открыть огонь съ этой новой батареи, Малая батарея опять стала обстрѣливать картечными гранатами ложементъ, наблюдая въ то-же время и за непріятельской батареей. Вскорѣ непріятель опять обнаружилъ попытку установить тутъ орудія.

Оба орудія съ Малой батареи и одно орудіе (1-го взвода) съ Большой, усилили стрѣльбу и непріятельскія орудія, открывшія было огонь, принуждены были замолчать. Однако, чрезъ нѣкоторое время, непріятелю удалось втащить орудія, незамѣтно, съ другой стороны площадки; они были установлены и открыли огонь по Скаламъ. По и теперь удачные выстрѣлы съ Малой батареи заставили замолчать эти орудія на продолжительное время.

Въ то время, какъ Малая батарея, мѣткою своею стрѣльбою, не допускала непріятеля установить орудія на площадкѣ; на южномъ и юго-западномъ скатахъ, Большая батарея, картечными гранатами, удерживала напоръ непріятеля, стремившагося овладѣть этою частью

Николая. Непріятельскія колонны принуждены были разсыпаться по всему скату и не могли ни овладѣть Николаемъ съ этой стороны, ни обойти его. Нѣсколько разъ непріятель подвигался къ Большой батареѣ для рѣшительной атаки ея, но каждый разъ картечь 3-го взвода и 1-го орудія удерживали атакующихъ.

Видя свои попытки безъуспѣшными, непріятель, засѣвъ въ кустахъ, въ рытвинахъ и за большими каменьями, задался цѣлью уничтожить ружейнымъ огнемъ всю прислугу на Большой батареѣ. Но прислуга, прибѣгнувъ къ вышеизложенному способу заряжанія орудій, мало показывалась изъ-за бруствера; непріятель билъ въ пустую.

Тѣмъ временемъ, непріятельская батарея на Бердекѣ усилена была нѣсколькими орудіями. Хотя 4-й взводъ и обстрѣливалъ Бердекъ картечными и обыкновенными гранатами все время, но непріятель успѣлъ безопасно подвезти орудія по сѣверному скату и установилъ ихъ на вершинѣ Бердека. Батарея эта названа была «Девятиглазою», по числу амбразуръ, свѣтлыми четыреугольниками, обрисовывавшихся на темномъ фонѣ бруствера. Такимъ образомъ, къ 11-ти часамъ дня, на Бердекѣ сосредоточилось до 8-ми орудій. Стальная батарея, у которой оставалось немного снарядовъ, отвѣчала Девятиглазой рѣдкимъ огнемъ. Однако-же, и эти рѣдкіе выстрѣлы заставляли, по временамъ, Девятиглазую ослаблять свой огонь; тогда 4-й взводъ начиналъ бить картечными гранатами, не давая, своимъ огнемъ, непріятелю возможности исправить поврежденія. Лишь только показывались рабочіе, оба орудія 4-го взвода били залпомъ и разгоняли ихъ. Стрѣльба 4-го взвода была отличная и

могла нанесть большой вредъ Девятиглазой, но взводъ этотъ, находясь теперь уже подъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ съ фланговаго ложемента и съ высоты, лѣвѣе Бердека, не могъ долго продолжать свою стрѣльбу, въ видахъ сбереженія и безъ того немногочисленной прислуги. Этимъ временемъ непріятель воспользовался, исправилъ батарею и снова открылъ огонь по Стальной. Стальная отвѣчала рѣдкимъ огнемъ, 4-й взводъ поддерживалъ ее.

Малая батарея, въ этотъ періодъ, продолжала, рѣдкими выстрѣлами (картечными гранатами) обстрѣливать ложементъ передъ Скалами и площадку сзади его. Лишь только усиливалась стрѣльба изъ ложемента, Малая батарея пускала одну гранату въ ложементъ, а другую — въ сомкнутыя части, и этимъ не дозволяла непріятелю безнаказанно усиливать ложементъ.

Большая батарея, въ этотъ періодъ, однимъ орудіемъ помогала обстрѣливать площадку и ложементъ передъ Скалами и тремя остальными обстрѣливала весь юго-западный скатъ Николая. Благодаря дѣйствію картечныхъ гранатъ 3-го взвода, непріятель и теперь удержанъ былъ отъ охвата Николая съ запада.

Сознавая необходимость охвата позиціи съ фланговъ, непріятель, незамѣтнымъ движеніемъ по крутой дорогѣ, стягивалъ свои силы на западъ. О намѣреніи непріятеля догадались тогда, когда замѣчено было съ Большой батареи, что по направленію къ Лысой горѣ поднимается орудіе. Тотчасъ-же въ это орудіе направленъ былъ выстрѣлъ съ 1-го взвода; граната мѣтко ударила въ лошадей, орудіе свалилось въ кручу. Этому удачному выстрѣлу обязаны были тѣмъ, что въ этотъ

день не терпѣли отъ тыльнаго артиллерійскаго огня съ Лысой. Непріятель оставилъ попытку ввести орудія на Лысую днемъ, но исполнилъ эту трудную работу въ ту же ночь.

Около 12 часовъ стрѣльба съ Девятиглазой усилилась. Пристрѣлявшись къ брустверу Стальной, Девятиглазая теперь била мѣтко. Стальная батарея отвѣчала не менѣе мѣткимъ огнемъ; но, будучи подвержена ружейному огню непріятеля, въ особенности сильному съ фланга, Стальная не могла долго противустоять Девятиглазой, не подвергавшейся нашему ружейному огню, и потому часто прекращала стрѣльбу. Большая убыль прислуги, необходимость беречь снаряды для болѣе близкой стрѣльбы такъ-же были причиною остановокъ стрѣльбы. Въ тѣ минуты, когда Стальная замолкала, 4-й взводъ усиливалъ огонь свой и тѣмъ отвлекалъ часть огня Девятиглазой на себя. Подъ прикрытіемъ огня съ 4-го взвода, Стальная оправлялась и снова начинала отвѣчать мѣтко Девятиглазой.

Около часу пополудни, артиллерійская стрѣльба стала утихать, ружейная продолжалась безпрерывно.

Около двухъ часовъ пополудни, Девятиглазая, на короткое время, совсѣмъ замолчала. Это дало возможность Стальной и 1-му взводу такъ-же отдохнуть. Стрѣльба была прекращена съ обѣихъ сторонъ.

Этою минутою непріятель воспользовался, чтобы пополнить Девятиглазую снарядами. Перерывъ въ стрѣльбѣ и былъ именно произведенъ съ тою цѣлью, чтобы въ это время подвести снаряды на Бердекъ.

Но, пріостановивъ также нашу стрѣльбу, мы зорко слѣдили за непріятелемъ, который, предполагая

бдительность нашу ослабѣвшею, вздумалъ въ это время поднять къ Девятиглазой зарядные вьюки. Медленно подвигались четыре вьюка по восточному скату Малаго Бердека къ вершинѣ его, къ Девятиглазой. Мы тотчасъ-же навели орудіе, выстрѣлили, и два вьюка свалены были на эту сторону. Этимъ удачнымъ выстрѣломъ непріятель принужденъ былъ отказаться подвозить снаряды къ Девятиглазой кратчайшимъ путемъ, и исполнилъ это, вѣроятно, ночью или, если и днемъ, то съ противуположной стороны.

Въ этотъ періодъ (съ 12-ти до 3-хъ часовъ), стрѣльба артиллерійская была вообще слаба. Непріятель, повидимому, готовился предпринять что-то очень серьезное; мы-же воспользовались этимъ временемъ, чтобы немного отдохнуть и привесть въ порядокъ орудія.

Во многихъ уже мѣстахъ замѣчался сильный прорывъ пороховыхъ газовъ; въ нѣкоторыхъ орудіяхъ принуждены были перемѣнить плитки и кольца на запасныя, въ другихъ орудіяхъ пришлось подкладывать латунные листы подъ плитки. Воспользовались тоже этимъ временемъ, чтобы промыть орудія.

Въ одномъ изъ орудій 4-го взвода (седьмомъ) осталась невыстрѣленная картечная граната. Орудіе необходимо было промыть. Картечная граната засѣла такъ туго въ загрязнившейся каморѣ, что попытаться разрядить орудіе было бы крайне опасно. Оно уже было заранѣе наведено въ Девятиглазку; изъ него выстрѣлили. Этотъ выстрѣлъ поднялъ канонаду. Девятиглазая накинулась на 4-й взводъ, Стальная помогала 4-му взводу отбиваться. Съ Малой батареи такъ-же стали стрѣлять по Девятиглазой. Общими усиліями, наши батареи заста-

вили замолчать Девятиглазую. Во время этой перестрѣлки, одна изъ непріятельскихъ гранатъ попала въ зарядный ящикъ 4-го взвода; ящикъ этотъ какъ разъ находился въ срединѣ шести зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ за турецкимъ валомъ, и загорѣлся; взрывъ его самого и всѣхъ остальныхъ, тѣсно сдвинутыхъ, долженъ былъ послѣдовать немпнуемо. По счастью, около турецкаго вала, близь палатки командира 2-й батареи, нѣсколько человѣкъ изъ прислуги 4-го взвода набирали воду изъ стоявшаго тутъ котла. Подъ предводительствомъ смѣлаго деньщика Шульгина, люди бросились къ ящику, свезли его внизъ и тамъ затушили.

Малая батарея, много помогшая, своими мѣткими выстрѣлами, заставить замолчать Девятиглазую, должна была, послѣ того, обратить огонь своихъ картечныхъ гранатъ на фронтальный ложементъ, изъ котораго стрѣльба въ это время усплилась. Около получаса продолжалась эта усплепная стрѣльба по Скаламъ, затѣмъ прекратилась. Непріятель большими группами вышелъ изъ ложемента и бросился къ Скаламъ.

Одинъ залпъ картечными гранатами съ Малой батареи и одинъ удачный выстрѣлъ изъ 1-го орудія Большой батареи, заставили непріятеля обратно скрыться въ ложементъ. Часть-же его бросилась къ лощинѣ, расчитывая скрыться въ мертвомъ (отъ артиллерійскаго огня) пространствѣ, но и тутъ была удержана выстрѣломъ картечной гранаты изъ 1-го орудія. Немногіе успѣли добѣжать до лощины и въ нее скрыться; большинство-же повернуло къ ложементу и въ разсыпную его достигло. Болѣе попытокъ атаковать

скалы непріятель ни въ этотъ, ни въ слѣдующій день не производилъ.

Большая батарея, въ этотъ періодъ, обстрѣливала рѣдкимъ огнемъ картечныхъ гранатъ весь скатъ Николая. 1-й взводъ (какъ выше сказано), однимъ орудіемъ помогалъ Малой батареѣ, а другимъ обстрѣливалъ впереди лежащій скатъ; 3-й взводъ обстрѣливалъ этотъ же скатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалъ и за хребтомъ, идущимъ на западъ къ Лысой горѣ. Непріятель болѣе не отважился тутъ провозить орудія и выполнилъ свою задачу ночью.

Около 4-хъ часовъ пополудни, Девятиглазая открыла сильный огонь по Стальной. Стальная, 4-й взводъ и Малая батарея отвѣчали ей, хотя не очень частымъ, но, тѣмъ не менѣе, мѣткимъ огнемъ. Стальная батарея была совершенно завалена массою снарядовъ. Брустверъ ея былъ избитъ такъ, что осыпался отъ собственныхъ выстрѣловъ. Бонеты, которыми предполагали прикрыть прислугу отъ ружейнаго огня, теперь были сбиты окончательно и стальныя орудія были обнажены. Прислуга опять осталась безъ закрытія и подвергалась сильному ружейному огню. Пришлось ослабить огонь стальныхъ орудій; между тѣмъ, непріятельская батарея спѣшила воспользоваться открытіемъ стальныхъ орудій и, не отвѣчая ни 4-му взводу, ни Малой батареѣ, весь свой, чрезвычайно мѣткій, огонь сосредоточила на стальныхъ орудіяхъ. Стрѣльба Малой батареи по Девятиглазой въ этотъ періодъ не была мѣтка, такъ какъ она производилась подъ сильнымъ огнемъ съ фронтальнаго ложемента. Болѣе удачною была стрѣльба 4-го взвода; но и эти два орудія не могли долго продолжать стрѣльбу.

Ослабивъ огонь, разбивъ брустверъ Стальной и подбивъ на ней два орудія, Девятиглазая обратилась теперь на 4-й взводъ, который, все еще поддерживавшій Малую батарею, отвѣчалъ Девятиглазой. Удачнымъ выстрѣломъ изъ 8-го орудія была завалена совершенно одна амбразура на Девятиглазой. Подъ огнемъ турки бросились на брустверъ починять. Чтобы разогнать ихъ, зарядили орудіе картечною гранатою, но не успѣли выстрѣлить, какъ непріятельская граната цѣликомъ ударилась въ подъемный винтъ и сломала его. Осталось одно орудіе въ 4-мъ взводѣ, а на Стальной три.

Стрѣльбу прекратили, не имѣя возможности противодѣйствовать Девятиглазой и желая сберечь оставшіяся орудія на случай атаки. Малая батарея, оставшись одна противъ Девятиглазой, чтобы не навлечь всего огня ея на себя, такъ-же прекратила стрѣльбу. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ, Девятиглазая заставила замолчать наши батареи. Непріятель всегда открывалъ ружейную и артиллерійскую стрѣльбу по одной цѣли; въ этотъ разъ вышло въ дѣйствіяхъ его пѣхоты и артиллеріи несогласіе и потому, не смотря на блестящіе результаты своей стрѣльбы, Девятиглазая не принесла этимъ той пользы, какую можно было ожидать отъ нея, еслибы непріятельская пѣхота воспользовалась этою минутою и произвела атаку на Стальную въ этотъ моментъ *).

*) Турецкая граната не производила большаго разрушительнаго дѣйствія. Если брустверъ Стальной былъ весь почти разбитъ, то это благодаря только массѣ непріятельскихъ гранатъ, попавшихъ въ него. Каждая въ отдѣльности граната не имѣла большой дѣйствительности. При ударѣ въ брустверъ, турецкая граната, имѣющая большую окон-

Когда наши батареи замолчали, прекратила огонь и Девятиглазая. Этимъ временемъ воспользовались, чтобы привесть въ порядокъ орудія.

На Стальной батареѣ прислуга переложила орудіе, у котораго лафетъ былъ испорченъ, на другой; кромѣ того, съ одного подбитаго лафета были сняты колеса и надѣты на ось другаго, цѣлаго, лафета, у котораго колеса были подбиты. Такимъ образомъ, три орудія оставались еще въ совершенной исправности; изъ нихъ одно было поставлено на площадкѣ, на которой прислуга болѣе всего терпѣла отъ непріятельскаго ружейнаго огня, и оставлено безъ прислуги; на всякій случай, зарядили его картечью.

Заряженное орудіе 4-го взвода, съ разбитымъ подъемнымъ винтомъ, надо было переложить на запасный лафетъ. Разрядить его выстрѣломъ не рѣшились, такъ какъ этимъ можно было окончательно испортить лафетъ; прислуга смѣло взялась за орудіе и выкатила его за турецкій брустверъ. Такъ какъ при орудіи было всего 4 человѣка, то наводчикъ потребовалъ еще 3-хъ человѣкъ изъ прикрытія; эти семеро человѣкъ переложили орудіе на запасный лафетъ, стоявшій на случай тутъ-же. Потомъ орудіе опять вкатили на батарею и гранату выстрѣлили по скату лѣвѣе Бердека, въ группу стрѣлковъ, сильно безпокоившихъ огнемъ своимъ Стальную.

чательную скорость, слишкомъ глубоко зарывается въ землю. Имѣя толстыя стѣнки при небольшомъ калибрѣ, граната вмѣщаетъ небольшой разрывной снарядъ. Вслѣдствіе того-же небольшаго разрывнаго заряда, эти крупные осколки не получали значительной скорости при разрывѣ и, зарывшись глубоко въ брустверъ, не вылетали наружу.

Во весь остальной день, до 7-ми часовъ вечера, батареи вели рѣдкую стрѣльбу по прежнимъ цѣлямъ.

Къ вечеру артиллерійская стрѣльба стала утихать. Ружейная гремѣла неумолкаемо до поздняго вечера. Съ наступленіемъ темноты, принялись за работы. Утомленные дневнымъ боемъ, изнемогая отъ жажды и усталости, защитники Николая могли теперь отдохнуть; отдыхъ нуженъ былъ имъ. Но отдыхали не долго: необходимость заставляла работать.

Прежде всего, на батареи стали носить снаряды изъ ящиковъ. Второю заботою было запастись водою на завтра. Набрали во всю посуду воды изъ фонтана; но большая часть ея оказалась окровавленною. Орудія промыли и исправили.

Въ этотъ день выпущено было снарядовъ: картечныхъ гранатъ 253 и гранатъ 203; убыло изъ строя нижнихъ чиновъ 1.

Наступило утро 11-го числа.

За ночь непріятель перевелъ часть своихъ войскъ обходною кружною дорогою къ Лысой горѣ съ тѣмъ, чтобы, зайдя оттуда въ тылъ нашей позиціи, захватить дорогу въ Габрово и, такимъ образомъ, окружить позицію со всѣхъ сторонъ. Часа въ 4 утра, съ Николая замѣтили, что отъ Девятиглазой къ Соску спускаются большія колонны, повидимому для того, чтобы обойти Николай съ этой стороны и напасть на центральную позицію. Тотчасъ же, со Стальной и съ 4-го взвода открытъ былъ огонь по этимъ колоннамъ (600 саж.); но непріятельскія колонны скрылись за гору, такъ что батареи наши не успѣли ихъ разстроить. Въ то же время и Девятиглазая открыла сильный огонь по Сталь-

ной и 4-му взводу. Между ними завязалась оживленная перестрѣлка.

Въ это же время и Малая батарея, не подвергаясь сильному ружейному огню изъ фронтальнаго ложемента, открыла стрѣльбу по Девятиглазой. Общими усиліями, этимъ батареямъ удалось заставить замолчать Девятиглазую въ 10 часовъ утра.

Стрѣльба тутъ на время прекратилась.

По фронтальному ложементу, изъ котораго стрѣльба тоже почему-то прекратилась, не стрѣляли. Это дало поводъ думать, что турки отсюда ушли. Нѣсколько смѣльчаковъ съ Малой батареи спустились къ скаламъ, дошли до ложемента, выбили оттуда тѣхъ турокъ, которые оставались тамъ для поддержки огня и благополучно вернулись на батарею, донеся, что турокъ въ ложементѣ нѣтъ.

Большой батареѣ съ утра представилась особая цѣль. Рано утромъ непріятель открылъ стрѣльбу съ Лысой изъ нѣсколькихъ орудій по центральной позиціи. Два орудія (3-й взводъ) съ Большой батареи стали поддерживать Центральную батарею противъ Лысой. Разстояніе было около 1,200 саж. Не смотря на значительность разстоянія, 3-му взводу удалось, мѣткимъ огнемъ своимъ, отвлечь часть огня съ Лысой на себя. А это и было необходимо въ настоящую минуту, такъ какъ непріятель атаковалъ, подъ покровительствомъ огня съ Лысой, нашу центральную позицію. Однако же, 3-й взводъ не могъ съ успѣхомъ противодѣйствовать Лысой, превосходившей числомъ орудій, и часто прерывалъ стрѣльбу, изъ необходимости беречь орудія, снаряды и прислугу.

1-й взводъ, въ это же время, однимъ орудіемъ обстрѣливалъ рѣдкимъ огнемъ скатъ Николая, а другимъ—стрѣлялъ по непріятельскимъ орудіямъ, установленнымъ на площадкѣ, у фонтана. Нѣсколькими удачными выстрѣлами изъ 1-го орудія, батарея на площадкѣ у фонтана принуждена была замолчать на весь день. И послѣ того, непріятель хотѣлъ исправить батарею, но Малая батарея разгоняла картечными гранатами рабочихъ.

Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ дня, до 12-ти часовъ, батарея Николая вела стрѣльбу преимущественно по артиллеріи непріятеля. Главный же бой сосредоточился на центральной позиціи. Тамъ велись оживленныя атаки. Ружейный и артиллерійскій огонь не прекращался ни на минуту. На Николаѣ ничѣмъ не могли помочь центральной позиціи. Резервъ былъ уже потребованъ туда; на самомъ Николаѣ оставалась небольшая часть пѣхоты. Стальная и 4-й взводъ старались отвлекать огонь Девятиглазой на себя; но снаряды были у насъ на исходѣ, надо было ихъ беречь и поэтому стрѣльба велась рѣдкая. Да и непріятель въ это время ослаблялъ стрѣльбу. Около часу пополудни, стрѣльба ослабѣла по всему Николаю, но снова, черезъ нѣсколько времени, усилилась. Малая батарея, Стальная и 4-й взводъ отвѣчали на усиленный огонь Девятиглазой. Большая батарея (1-й взводъ) била въ непріятельскія группы, спускавшіеся въ лощину, и (3-й взводъ) обстрѣливала Лысую гору *).

---

*) Въ этотъ періодъ, на Большой батареѣ были ранены оба офицера: поручикъ Зенковичъ и прапорщикъ Гр—съ. Гр—съ отнесенъ былъ на перевязочный пунктъ. Зенковичъ самъ спустился на шоссе

Около двухъ часовъ продолжалась такая стрѣльба. Затѣмъ, въ третьемъ часу, Девятиглазая замолчала; наши батареи изрѣдка продолжали обстрѣливать ее.

Съ 4-го взвода было выкачено за турецкій брустверъ одно орудіе для обстрѣливанія Лѣсной горки, по которой двигались къ центральной позиціи массы непріятельской пѣхоты.

На Большой батареѣ 1-й взводъ послѣдними картечными гранатами билъ по колоннамъ, тянувшимся къ Лысой, а 3-й взводъ билъ на Лѣсную горку, гдѣ сосредоточивался непріятель для атаки центральной позиціи. Стрѣльба по батареѣ на Лысой, за дальностью растоянія, была оставлена; Большой батареѣ, кромѣ того, трудно было состязаться съ десятью-орудійною батареею на Лысой горѣ.

Между тѣмъ, непріятель напиралъ на центръ. Батареи на Николаѣ не могли теперь помогать батареямъ на центральной позиціи; хотя бой сосредоточивался весь тамъ, но и на Николаѣ не было безопасно отъ пуль, въ особенности на западномъ его скатѣ. На Большой батареѣ прислуги оставалось немного, да и та, которая остава-

---

(предварительно пославъ дать знать командиру батареи о томъ, что оба они ранены), безъ помощи людей, отъ каковой помощи отказался единственно, чтобы не ослаблять и безъ того уже небольшаго числа прислуги, оставшейся на батареѣ. Не будучи въ состояніи идти далѣе, Зенковичъ сѣлъ на шоссе; тутъ силы его окончательно упали, онъ лежалъ безъ чувствъ, пока не былъ подобранъ санитарами и отвезенъ ими на перевязочный пунктъ. Оттуда онъ былъ отправленъ въ подвижной лазаретъ 9-й дивизіи, находившійся на телеграфной станціи, а на другой день умеръ. На Большую батарею, по выбытіи обоихъ офицеровъ, назначенъ былъ командовавшій 4-мъ взводомъ прапорщикъ М — шевъ, 4-мъ же взводомъ управлялъ съ того времени самъ командиръ 2-й батареи.

лась, не могла дѣйствовать энергично: большинство было ранено, хотя и легко. Многіе изъ раненыхъ оставались на своихъ батареяхъ, — ждать наступленія темноты, такъ какъ подъ огнемъ невозможно было пробраться къ перевязочному пункту. Между тѣмъ, необходимо было дѣйствовать, чтобы хотя немного помочь батареямъ на центральной позиціи отбить атакующихъ; стрѣлять съ Николая могла только Большая батарея, и преимущественно 3-й взводъ. Прислуга была не въ состояніи дѣйствовать отъ усталости.

Собравши послѣднія силы, принимаются съ 3-го взвода бить въ Лѣсную гору; стали выпускать послѣднія картечныя гранаты.... Выпускаютъ послѣднія двѣ гранаты по турецкой кавалеріи, выстроившейся позади Лѣсной, на площадкѣ.

Надежда осталась только на подкрѣпленія, а ихъ все нѣтъ; непріятель обхватываетъ центральную позицію съ тыла. Положеніе отчаянное! Съ минуты на минуту ожидали, что непріятель прорвется въ тылу, и тогда—все пропало! Слабая надежда явилась поддержать упадающій духъ защитниковъ. Отъ начальника позиціи, который понималъ, конечно, положеніе дѣла и состояніе духа защитниковъ Николая, получена записка съ увѣдомленіемъ, что скоро прибудутъ подкрѣпленія, что необходимо немного продержаться на позиціи. Утомленные, нравственно разбитые защитники еще держались. Жажда мучила всѣхъ; но за водой надо было идти къ фонтану, путь къ которому обстрѣливался неумолкаемымъ ружейнымъ огнемъ. Идти къ фонтану — значило рисковать быть убитымъ или раненымъ, не дойдя до него. Къ тому же, въ эту минуту, никто

не рѣшался оставить своихъ мѣстъ. Сознавая свой долгъ, офицеры оставались ждать исхода. Они понимали дурное положеніе дѣла и оставались на мѣстахъ, чтобы своимъ примѣромъ поддержать упадающій духъ нижнихъ чиновъ. Имъ приходилось заглушать въ самихъ себѣ отчаяніе и удерживать прислугу отъ отступленія всѣми мѣрами.

Но надо отдать должную похвалу и тѣмъ нижнимъ чинамъ, которые, обладая твердостью духа, помогали офицерамъ удерживать прислугу на своихъ мѣстахъ. Много обязана гора св. Николая этимъ немногимъ людямъ. Имена ихъ, съ описаніями ихъ подвиговъ, до сихъ поръ хранятся въ батареѣ, разсказы о нихъ передаются, изъ устъ въ уста, настоящимъ молодымъ солдатамъ. Эти разсказы образуютъ краткую исторію минувшаго боеваго времени, въ своемъ изложеніи понятную для солдата. Они просты и правдивы; они кладутъ зародышъ къ развитію боеваго духа части *).

Становилось темно. Артиллерійская стрѣльба въ тылу сдѣлалась рѣже, ружейная еще гремѣла. На Николаѣ думали, что все пропало, что непріятель въ тылу....

---

*) Имена наводчиковъ: Степана Петрова, Пантелѣя Недѣлька, Лялина, Телятникова, Гордова, Чеботарева, Лысенка, Колесникова, Курякина и др. нижнихъ чиновъ 2-й батареи, фейерверкера Оробія, наводчика Волочая и многихъ другихъ нижнихъ чиновъ 5-й батареи, всѣ они заслуживаютъ не меньшаго уваженія, чѣмъ и имена Мирошниченка и Лейбы Фагіенбаума, наводчиковъ горныхъ орудій. Къ сожалѣнію, о многихъ отличившихся нижнихъ чинахъ 2-й и 5-й батарей нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни въ «Памятникѣ Восточной войны», ни въ другихъ сборникахъ разсказовъ. Большинство вышеупомянутыхъ нижнихъ чиновъ ранены и всѣ они георгіевскіе кавалеры; нѣкоторые же имѣютъ и по два знака отличія военнаго ордена.

Въ то время прибыли съ корпуснымъ командиромъ стрѣлки. Тотчасъ же, съ крикомъ «ура», стрѣлки ударили въ штыки. «Ура», услышанное на Николаѣ, подхвачено было всѣми. Кричали всѣ, кто могъ, у кого хватило силъ кричать. Кричали «ура», плакали отъ радости, цѣловали другъ друга и говорили: «теперь спасены!» Да, были спасены! Стрѣлковою бригадою непріятель былъ отброшенъ къ Лысой горѣ и дальше, флангъ былъ обезпеченъ, путь на Николай сдѣлался свободнымъ. По этому пути можно было подвести боевые и съѣстные припасы. Командиръ корпуса съ нашимъ командиромъ бригады обошелъ всю позицію, благодарилъ всѣхъ защитниковъ за геройскую стойкость и немедленно же отправилъ телеграмму, что Шипка спасена и непріятель отбитъ. Командиромъ бригады сдѣлано было тотчасъ же распоряженіе о подвозѣ снарядовъ и о доставкѣ на позицію пищи людямъ. Благодарные солдаты, со слезами на глазахъ, говорили, что начальство не забыло ихъ. Остальная часть 14-го летучаго парка придвинута была ближе къ позиціи, и батареи пополнились снарядами.

Такъ какъ прислуга Большой батареи сильно пострадала отъ непріятельскаго огня, и къ тому же два орудія на этой батареѣ были повреждены прорывомъ пороховыхъ газовъ, то въ ту же ночь онѣ замѣнены были двумя орудіями 3-й батареи 14-й бригады. Поврежденныя орудія свезли съ батареи и поставили на шоссе, впредь до удобнаго случая свезти ихъ совсѣмъ внизъ, въ Габрово.

Хотя обѣ наши батареи сильно пострадали отъ ружейнаго и артиллерійскаго непріятельскаго огня, тѣмъ

не менѣе, нельзя было сразу цѣликомъ замѣнить ихъ новыми: движеніе такой большой части, какъ батарея, было бы навѣрно замѣчено непріятелемъ и батарея понесла бы значительныя потери прежде, чѣмъ дошла бы до Николая. Замѣна могла быть произведена только по частямъ и ночью. Такой способъ представлялъ еще и ту существенную выгоду, что вновь прибывшая часть знакомилась съ условіями боя и характеромъ мѣстности при посредствѣ остающихся на позиціи частей.

Въ видахъ усиленія позицій артиллеріи, а также и для замѣны пострадавшихъ частей, 10-го августа придвинуты были къ Габрову 1-я батарея 9-й бригады (изъ Сельви) и 3-я батарея 14-й бригады (изъ Драпова). Взводъ 3-й батареи 14-й бригады поставленъ былъ на Николаѣ, а остальныя орудія съ орудіями 1-й батареи 9-й бригады составили временно артиллерійской резервъ, изъ котораго орудія подвозились на позицію и тамъ замѣняли подбитыя или испорченныя.

Въ ночь съ 11-го на 12-е число, на батареяхъ производились кое-какія работы. Уширили и углубили ровики, обложили брустверa дерниnами; много работать не могли, каждый спѣшилъ воспользоваться отдыхомъ. Нравственно успокоившіеся, утомленные боемъ, защитники заснули теперь крѣпкимъ сномъ. Всѣ труды, лишенія, нравственныя потрясенія, все это прошло съ этимъ сномъ.

Въ этотъ день выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ убитыми 3, ранеными 11; ранены два офицера. Выпущено снарядовъ: картечныхъ гранатъ 140 и гранатъ 105.

Утромъ, 12-го августа, непріятель опять пытался поставить орудія на томъ же самомъ мѣстѣ, на площадкѣ, за фронтальнымъ ложементомъ. Съ Малой батареи замѣтили попытку непріятеля и тотчасъ открыли стрѣльбу. Нѣсколько удачно пущенныхъ гранатъ заставили непріятеля окончательно отказаться отъ установки тутъ орудій, но за то ружейный огонь изъ фронтальнаго ложемента не далъ Малой батареѣ обстрѣлять новыя подкрѣпленія (или—смѣнныя войска), направлявшіеся въ то время изъ за бруствера разрушенной батареи къ ложементу. Кромѣ того, и Девятиглазая накинулась на Малую батарею. Боковые траверзы и флангъ, прикрывавшій лѣвое орудіе, высотою своею превосходившій высоту главнаго бруствера и высоту праваго фланга, дали возможность Малой батареѣ перепести нѣсколько залповъ Девятиглазой безъ большаго вреда. Чтобы освободить Малую батарею отъ огня съ Девятиглазой, батарея № 1 (стальныя орудія и 4-й взводъ) открыла мѣткую стрѣльбу по ней. Девятиглазая принуждена была обратить огонь свой на № 1 и оставила Малую батарею. Это и нужно было въ настоящую минуту. Нѣсколько непріятельскихъ таборовъ показались изъ за фронтальнаго ложемента и, предшествуемые цѣпью стрѣлковъ, бѣгомъ, безъ выстрѣла, двинулись на правый флангъ батареи № 1 (на 4 взводъ) открыли мѣткую стрѣльбу по ней и пѣхотному ложементу, прикрывавшему Стальную батарею. Съ Малой батареи ударили въ атакующихъ картечною гранатою. Пораженіе непріятеля было большое. Атакующіе остановились на площадкѣ; часть ихъ дала залпъ по Малой батареѣ и по ложементамъ на Скалахъ и затѣмъ открыла бѣглый огонь

по Скаламъ. Все это произошло очень скоро. Непріятель бѣгомъ опять бросился къ ложементу. Въ это время, съ Малой батареи залпомъ ударили картечью. Непріятель дрогнулъ, повернулъ назадъ, бросился подъ скалу и скрылся въ мертвомъ (отъ артиллерійскаго огня) пространствѣ, открывъ при этомъ неумолкаемую стрѣльбу по Скаламъ. Этимъ попытка не окончилась. Около полудня, свѣжая цѣпь, съ небольшими резервами сзади, вышла изъ Фронтальнаго ложемента и въ большомъ порядкѣ двинулась къ Скалѣ, взявъ при этомъ направленіе къ мертвому пространству.

Три залпа съ Малой батареи не остановили атакующихъ: устилая трупами мѣстность, непріятель все-же успѣлъ достигнуть Скалъ и бросился къ нашимъ ложементамъ.

Рота Орловскаго полка, занимавшая ложементы, два раза дала залпъ по атакующимъ, но они стремительно лѣзли на Скалы. Малая батарея не могла помочь ротѣ отбить непріятеля: она не могла стрѣлять на такое близкое разстояніе. Положеніе Скалъ было отчаянное, еще минута — и непріятель овладѣетъ ими. Но въ это время, рота стрѣлковъ 15-го баталіона (изъ резерва за турецкимъ брустверомъ) бѣгомъ двинулась на Скалы. Девятиглазая, зорко слѣдившая за тѣмъ, что происходило у Скалъ, не пропустила минуты: она дала залпъ изъ всѣхъ орудій по бѣгущимъ стрѣлкамъ. Залпъ этотъ былъ губителенъ, но остатки роты стрѣлковъ добѣжали къ Орловцамъ и общими усиліями опрокинули непріятеля. Лишь только непріятель спустился со Скалъ, Малая батарея опять ударила картечью, а затѣмъ провожала непріятеля картечными гранатами до Фронталь-

наго ложемента и тѣмъ довершила окончательное его пораженіе.

Это было около 12-ти часовъ. Чрезъ нѣсколько времени непріятель опять двинулся на флангъ батареи Стальной, но картечныя гранаты съ Малой батареи разогнали его.

Когда на Скалахъ происходило вышеизложенное, Большая батарея (орудія 3-й батареи 14-й бригады) обстрѣливала Лысую гору. Дѣйствія Большой батареи (или какъ ее теперь стали называть—батарея № 3) по Лысой горѣ за дальностью разстоянія (свыше 1,200 саж.), не могло дать хорошихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, стрѣлять было необходимо, чтобы отвлечь часть огня ея отъ Центральной батареи на себя. Это необходимо было тѣмъ болѣе, что утромъ этого дня войска наши атаковали Лысую. Такимъ образомъ, батарея № 3 въ этотъ и въ послѣдніе дни вела перестрѣлку съ Лысою горою.

Стальная и 4-й взводъ, получившія теперь названіе общее: «батарея № 1», въ этотъ день изрѣдка перестрѣливались съ Девятиглазою. Стальная берегла снаряды и стрѣляла очень рѣдко; 4-й взводъ, по временамъ, обстрѣливалъ ложементы на Сахарной головѣ (высота лѣвѣе Бердека).

Во весь остальной день, Малая батарея (теперь № 2) обстрѣливала рѣдкимъ огнемъ картечныхъ гранатъ Фронтальный ложементъ. Только около четырехъ часовъ пополудни, когда Девятиглазая открыла сильный огонь по Стальной батареи, № 2-й поддерживалъ 1-й взводъ и стальныя орудія, но не долго. Вообще, стрѣльба батареи № 2 по Девятиглазой не велась безостановочно и по-

стояпно; это дѣлалось лишь въ видахъ поддержки батареи № 1, сильно ослабленной числомъ орудій (два 9-тп-фунтовыя и три стальныя).

Въ этотъ день выпущено было 120 гранатъ, 150 картечныхъ гранатъ и 10 картечей. Выбыло изъ строя нижпихъ чиновъ: убитыми двое и ранеными четыре. На Малой батареѣ подбитъ одинъ лафетъ и на батареѣ № 1-й тоже; оба лафета были подъ выстрѣлами замѣнены запасными.

Этимъ днемъ закончилась усиленная дѣятельность батарей на Николаѣ. Въ слѣдующіе три дня стрѣльба продолжалась съ пятп часовъ утра до восьми вечера съ перерывами на часъ, или на два, но непріятель не производилъ атаки, и потому они стрѣляли только, чтобы отвѣчать непріятельскимъ батареямъ, или по непріятельскимъ работамъ, а также по ложементамъ, изъ коихъ стрѣльба была болѣе частая.

Оставивъ попытки овладѣть переваломъ открытою силою, непріятель, выведя ложементы вокругъ Пиколая, обстрѣливалъ его теперь безпрерывнымъ ружейнымъ и нерѣдко пушечнымъ огнемъ. Онъ желалъ достигнуть этимъ утомленія гарнизона; но защитники, вынесшіе первые четыре дня, переносили легко этотъ огонь.

Подошли подкрѣпленія. Установленъ былъ правильный подвозъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ по почамъ. Положеніе защитниковъ улучшилось. Работы по укрѣпленію позиціи продолжались и начинали принимать большіе размѣры, что предвѣщало долгую тутъ стоянку.

V. Сентябрь на Шипкѣ. — Бомбардированіе „Николая“. — Устройство мортирныхъ батарей на „Николаѣ“.

Начавшіеся въ концѣ августа, дожди и постоянные туманы, дали на нѣкоторое время отдыхъ сильно утомленнымъ защитникамъ «Николая». Отдыхъ состоялъ въ томъ, что защитники не подвергались массѣ непріятельскихъ пуль, осыпавшихъ ихъ до этого времени: только изрѣдка раздавались ружейные выстрѣлы, но и то только тогда, когда на минуту разсѣявшійся туманъ давалъ возможность видѣть на горѣ человѣческую фигуру. Артиллерійская канонада совсѣмъ почти прекратилась. На «Николаѣ» сдѣлалось затишье; но это затишье было передъ грозою. Въ это время на позиціи стояли: на батареѣ № 1-й—четыре орудія 1-й батареи 9-й бригады и два орудія 14-й бригады; два орудія 1-й батареи 9-й бригады—на № 4, противъ ложементовъ на «Лѣсистой» горкѣ и противъ батареи «Лысой» горы. Потомъ, на «Промежуточной», на № 2 и на № 3 стояли десять орудій 14-й бригады. Сверхъ того, батареи «Круглая» и «Центральная» также заняты были орудіями 14-й бригады. Прикрытіемъ къ батареямъ на «Николаѣ» были: для № 1—15-й и 16-й стрѣлковые батальоны, а для батарей: «Промежуточной», № 2, № 3 и № 4—Подольскій полкъ. «Волынскую» горку занимали Волынскій и Житомірскій полки; Минскій полкъ составлялъ прикрытіе къ батареямъ «Круглой» и «Центральной». Наконецъ, Брянскій и Орловскій полки составляли резервъ, расположенный у Брянскихъ домиковъ.

31-го августа, непріятель установилъ мортиры противъ «Скалъ» и началъ бомбардировать «Николай». Всѣхъ мортиръ здѣсь было 12. Изъ нихъ 8 было двухпудоваго калибра, а 4—пятипудоваго. Цѣль установки мортиръ противъ «Николая» заключалась именно въ томъ, чтобы не давать ни минуты покоя защитникамъ; безпрерывнымъ бомбардированіемъ утомить ихъ, отчасти обезсилить и, по возможности, затруднить подвозъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, чѣмъ и ослабить стойкость храброй горсти защитниковъ и такимъ образомъ, подготовить атаку «Николая» открытою силою. Расположеніе мортирной батареи противъ южнаго склона «Николая», противъ такъ называемыхъ «Скалъ», сдѣлано было для того, чтобы можно было осыпать бомбами «Николай» по всей его поверхности и чтобы можно было стрѣлять и по всѣмъ другимъ батареямъ и ложементамъ, а также, чтобы обстрѣливать шоссе, ведущее изъ Габрова въ деревню Шипку, — единственный путь отступленія для всѣхъ защитниковъ «Николая».

Разумѣется, 12 мортиръ, поставленныя на одномъ мѣстѣ, дѣйствовавшія подъ руководствомъ одного лица, могли нанести намъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ, еслибы эти мортиры были раздѣлены по нѣсколько и поставлены въ разныхъ мѣстахъ. Стрѣльба изъ нихъ была такъ ловко соображена, что мы всегда терялись въ догадкахъ — сколько у непріятеля, на самомъ дѣлѣ, мортиръ, если онъ можетъ выпускать черезъ каждые десять минутъ по одной бомбѣ, а черезъ каждые полчаса по четыре бомбы? Хотя безспорно, значительнаго вреда отъ усиленной бомбардировки изъ мортиръ для

насъ не было, тѣмъ не менѣе, установка мортиръ у «Скалъ» принесла свою пользу туркамъ. Этотъ адъ, который поднимался при каждой бомбардировкѣ, это постоянное, ежеминутное томительное ожиданіе, что вотъ-вотъ бомба пробьетъ блиндажъ, осыплетъ его и задушитъ насъ; эти крики раненыхъ, при каждомъ разрывѣ бомбъ, самый гулъ отъ полета бомбы, — все это производило такое впечатлѣніе, что невольно не страхъ, а какое-то непонятное чувство озлобленья, охватывало всѣхъ. Тяжелое было положеніе: нѣтъ покоя ни минуты,—ни днемъ, ни ночью; ни выспаться спокойно нельзя, ни проглотить куска хлѣба. Сидѣть въ блиндажѣ не хотѣлось; казалось, что этотъ темный, тускло освѣщенный одною свѣчею, блиндажъ сдѣлается сейчасъ могилою для сидящихъ въ немъ. Выйти изъ блиндажа не рѣшаешься, такъ какъ нѣтъ на всей горѣ ни одного мѣстечка, куда бы не залетали осколки. Тоска нашла на всѣхъ, ужасная тоска, предвѣстница близкаго упынія... Къ счастью, послѣ отбитія атаки, произведенной всѣми турецкими силами, 5-го сентября, на «Николай», положеніе наше нѣсколько улучшилось: непріятель рѣже бросалъ бомбы и уже болѣе не осыпалъ насъ пулями, какъ прежде.

Подготовка атаки 5-го сентября безпрерывнымъ бомбардированіемъ «Николая», съ цѣлью ослабить стойкость нашихъ защитниковъ и привести ихъ этимъ въ разстройство, — задумана была непріятелемъ хорошо. Но войска, которыя держались 9-го, 10-го, 11-го и 12-го августа, не могли упасть духомъ и отъ этой адской бомбардировки. Правда, положеніе защитниковъ, не знавшихъ ни минуты покоя, ни днемъ, ни ночью, въ

эти первые дни сентября было ужасное и даже отчасти распространялось уныніе, но все-таки далеко было еще до окончательной потери стойкости. Подвозъ съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ хотя и былъ крайне труденъ и рискованъ, тѣмъ не менѣе, не прекращался: войска исправно получали ежедневно пищу и, когда нужно, боевые припасы. Потери отъ бомбъ въ личномъ составѣ были незначительны. Но, если бомбы не приносили большаго вреда личному составу, за то онѣ разрушали часто все то, что было возведено усиленными трудами, въ теченіи нѣсколькихъ дней и ночей, которые туманная *) погода дарила на отдыхъ, утомленнымъ постояннымъ бодрствованіемъ, защитникамъ «Николая». Это было худшее: защитники и безъ того были утомлены и искали отдыха, а тутъ приходилось, разрушенное за день, исправлять ночью, чтобы на другой день имѣть хоть какое-нибудь убѣжище отъ бомбъ. Работа производилась преимущественно ночью: поправляли блиндажи, исправляли ложементы, выдѣлывали разбитыя днемъ амбразуры, исправляли бруствера и не имѣли отдыха, зная навѣрное, что, сдѣланное этою ночью, завтра днемъ будетъ разрушено. Непріятель задался цѣлью утомить и заставить насъ потерять стойкость. Перваго онъ вполнѣ достигъ, но стойкости мы не потеряли.

Однако, дальнѣйшая жизнь на «Николаѣ» становилась невыносимою. Стали придумывать различные способы укрываться отъ бомбъ: углубляли блиндажи

*) Исключавшая всякую возможность производить даже и ружейную стрѣльбу.

и вынутую землю насыпали на ихъ крышу, чтобы утолщить ее; дѣлали углубленные ходы, обставляя ихъ съ обѣихъ сторонъ турами, плели много фашинъ и туровъ для защиты тыла, стали обдѣлывать деревомъ блиндажи и ложементы, усиливали тыльные траверсы, возводили боковые... а бомбы все это разрушали. Наконецъ, кому-то пришло въ голову собрать отрядъ охотниковъ и попробовать заклепать турецкія мортиры. Дѣло было не легкое: пробраться сквозь непріятельскую аванпостную цѣпь, подкрасться къ мортирамъ, перевязать прислугу и успѣть заклепать мортиры, а потомъ уйти незамѣтно. Разсчитывали, что если уйдти не удастся, то лечь тамъ всѣмъ, но все-таки мортиры заклепать. По зрѣломъ обсужденіи этого предпріятія, нашли, однако, невозможнымъ привести его въ исполненіе. Кромѣ того, этотъ успѣхъ заклепанія мортиръ былъ сомнителенъ, принимая въ соображеніе бдительность турецкихъ артиллеристовъ при мортирахъ ночью; но и самый проходъ черезъ непріятельскую цѣпь оказывался невозможнымъ: не столько сама цѣпь была бдительна, сколько вѣрные охранители сонныхъ и лѣнивыхъ турецкихъ солдатъ—собаки. Дѣйствительно, всякая турецкая передовая цѣпь, не полагаясь на бдительность часовыхъ, имѣла своихъ собакъ, которыя, усиленнымъ лаемъ, открывали приближеніе противника. Тогда, среди артиллеристовъ, возникла мысль взорвать турецкія мортиры динамитомъ. Мысль эта всецѣло принадлежала, нашей бригады, 5-й батареи, штабсъ-капитану П.; онъ взялъ на себя исполненіе этого крайне опаснаго предпріятія и составилъ, изъ людей 5-й батареи, которая такъ много способствовала

удержанію перевала въ нашихъ рукахъ, въ «тяжелые» дни обороны Шипки,—команду охотниковъ.

Замѣчателенъ былъ составъ этой команды: люди эти—всѣ георгіевскіе кавалеры, презирали непріятеля и такъ вѣрили въ несомнѣнный успѣхъ предпріятія, при томъ условіи, чтобы руководителемъ ихъ былъ ихъ любимый офицеръ, штабсъ-капитанъ П., что и со стороны казалось возможнымъ исполнить успѣшно это благое, но слишкомъ отважное дѣло. Однако, начальникъ артиллеріи корпуса не разрѣшилъ исполнить это предпріятіе, такъ какъ оно не могло принести никакой пользы, а только напрасно погубило бы и самого П. и его охотниковъ. Тѣмъ болѣе, не было надобности пускаться на это предпріятіе, что получено было извѣстіе о скоромъ привозѣ на Шипку нарѣзныхъ 6-ти-дюймовыхъ мортиръ.

Тогда стали избирать мѣсто для мортирной батареи. Штабсъ-капитанъ П. и съ нимъ подпоручикъ (нынѣ поручикъ) К., командовавшій «Стальною» батареею въ первые дни обороны Шипки,—оба они, 6-го сентября, отправились, по порученію начальника артиллеріи корпуса, осматривать мѣста, удобныя для расположенія мортирной батареи. Выбрали они очень скрытую лощину на возвышенной части «Николая» и тутъ предполагали поставить только двѣ мортиры, такъ какъ мѣста для другихъ двухъ болѣе не было. Избранное мѣсто было наиболѣе закрытое. Лощинка эта выходитъ къ шоссе съ одной стороны, а съ другой, незамѣтно съуживаясь, идетъ вверхъ по сѣверному склону «Николая». Поставленныя въ этой лощинкѣ, мортиры могли стрѣлять черезъ восточный склонъ «Николая» по двумъ направленіямъ: одно—на «Девятиглазку», другое—на

турецкія мортиры у «Скалъ». Двѣ другія мортиры должны были быть расположены у «Центральной» батареи. Ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы разрушить «Девятиглазку». Вообще, цѣль установки мортиръ на «Николаѣ» была—противодѣйствовать турецкимъ мортирамъ, а затѣмъ, совокупнымъ дѣйствіемъ обѣихъ батарей, срыть «Девятиглазку» и подбить мортирную батарею у «Скалъ». 7-го сентября, мортиры были установлены: двѣ на «Николаѣ» въ лощинѣ, а двѣ другія—близъ «Центральной» батареи. На первую батарею назначенъ былъ командиромъ подпоручикъ нашей бригады К., командиромъ другой—офицеръ, который привезъ эти мортиры изъ осаднаго парка, поручикъ С.

Устроивши мортирныя батареи, предполагали, что оборона значительно тѣмъ усилится; разсчитывали, что теперь и непріятель не будетъ такъ много надоѣдать своими бомбами; а главное—имѣли въ виду, что, если стрѣльба изъ мортиръ будетъ удачна, то непріятелю плохо придется на «Девятиглазкѣ», которая будетъ находиться подъ перекрестнымъ огнемъ съ батарей: № 1, «Промежуточной», № 2, мортирной № 1, «Круглой» и мортирной № 2. На мортиры возлагали большія надежды, но онѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, не принесли той пользы, которой ожидали отъ нихъ. Надобно было знать, въ какія невыгодныя условія поставлена была напр., мортирная № 1-го батарея на «Николаѣ». Вскорѣ, по установкѣ мортиръ, часть людей, состоявшихъ при нихъ, заболѣла. Съ уменьшеннымъ числомъ прислуги дѣйствовать при мортирахъ оказывалось невозможнымъ, а пополненіе ихъ запасными изъ осаднаго парка оказывалось крайне неудобнымъ. Усердіемъ

и распорядительностью подпоручика К., вскорѣ недостающее число прислуги было пополнено изъ батарей набранными людьми, которые немного умѣли обращаться съ мортирами, благодаря нѣсколькимъ недѣлямъ, проведеннымъ на учебныхъ полигонахъ въ мирное время *). Далѣе — не было хорошихъ таблицъ, которыми можно было бы руководствоваться при первой пристрѣлкѣ. Офицеру приходилось самому записывать высоту прицѣла и зарядъ для каждаго выстрѣла и потомъ тутъ же дѣлать вычисленія, чтобы, расходуя какъ можно менѣе снарядовъ, имѣть возможность скорѣе пристрѣляться. Мало того, офицеру приходилось самому развѣшивать порохъ для зарядовъ и корректировать свою стрѣльбу, что было дѣломъ весьма не легкимъ, если принять въ соображеніе, что стрѣльба производилась по цѣлямъ, которыя не видны самимъ стрѣляющимъ. При этихъ условіяхъ, стрѣльба изъ мортиръ не могла быть успѣшна на столько, какъ ожидали; даже самые результаты стрѣльбы по «Девятиглазкѣ» нельзя было назвать хорошими, тогда какъ, устанавливая мортиры, думали, что онѣ въ скоромъ времени разобьютъ эту батарею, ослабятъ непріятеля и усилятъ оборону «Николая».

---

*) Тутъ высказалась отчасти польза, приносимая командированьемъ людей изъ бригады на учебный полигонъ. Кромѣ того, что люди эти умѣли обращаться съ пушками крѣпостными, или осадными, они выработали такіе пріемы при вспомогательныхъ дѣйствіяхъ при полевыхъ пушкахъ, при наводкѣ ихъ въ различныхъ случаяхъ стрѣльбы, практическіе пріемы при укрѣпленіи долговременныхъ позицій, которые могли быть выработаны только при продолжительномъ нахожденіи при осадныхъ, или крѣпостныхъ орудіяхъ на веркахъ. Не будь при батареяхъ такихъ людей, зачастую трудно было бы исполнить нѣкоторыя работы, которыя требуютъ практическихъ познаній именно со стороны нижнихъ чиновъ.

Во второй половинѣ сентября начались на Шипкѣ дожди. Цѣлый день облака окутывали «Николая», а къ ночи шелъ мелкій дождь. Не смотря на то, что грунтъ «Николая» состоитъ изъ глины съ хрящемъ, а мѣстами и совершенно скалистый, — сдѣлалось такъ грязно, что не было никакой возможности ходить по горѣ. Защитники предпочитали сидѣть цѣлый день въ ложементахъ, или въ блиндажахъ, выходя изъ нихъ только лишь къ вечеру, когда на гору пріѣзжала кухня. Но и тогда выходили не всѣ, а лишь очередные, которымъ поручалось принести изъ пріѣхавшей кухни ужинъ; остальные же оставались въ своихъ ложементахъ, щадя и оберегая свою износившуюся и порванную обувь. Такъ проводили нижніе чины эти дни. Офицерамъ было не лучше. Цѣлые дни не выходили они изъ блиндажей; кто читалъ, кто лежалъ и спалъ; но всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда кухни, такъ какъ съ нею привозились и новости о Плевнѣ. Иногда, подъ прикрытіемъ густаго тумана, офицеры отправлялись погулять по «Николаю», на другія батареи, или въ дальніе ложементы — посѣтить товарищей. Обыкновенно, такое гуляніе оканчивалось потерею подметки отъ сапога, паденіемъ по дорогѣ нѣсколько разъ въ грязь, и потому гулянья эти не были часты.

VI. Октябрь на Шипкѣ. — Бомбардированіе. — Пристрѣлка мортиръ.

Наступилъ октябрь. Дожди прекратились. Сдѣлалось опять сухо и тепло. Непріятель продолжалъ бомбардировать «Николай», но не такъ усиленно, какъ прежде.

Защитники привыкли къ бомбамъ и къ образу дѣйствій непріятеля. Замѣтимъ, что непріятель пускалъ бомбы въ опредѣленные часы дня, и въ эти часы на «Николаѣ» никого не видно: всѣ сидятъ въ блиндажахъ и ложементахъ. Вслѣдствіе этого, потери отъ бомбъ значительно уменьшились и жизнь сдѣлалась сноснѣе. Съ наступленіемъ ясныхъ дней, опять начались ежедневныя перестрѣлки съ непріятелемъ: ружейная начиналась съ разсвѣта и продолжалась до наступленія темноты; артиллерійская начиналась, обыкновенно, около 11-ти часовъ утра, продолжалась не болѣе двухъ часовъ и затѣмъ затихала, приблизительно до 6-ти часовъ вечера, когда опять поднималась не болѣе какъ на часъ, да и то обѣ стороны производили рѣдкую стрѣльбу, а турки и вовсе не стрѣляли изъ мортиръ вплоть до наступленія темноты, когда производили нѣсколько выстрѣловъ, вѣроятно, въ надеждѣ попасть въ наши кухни. Ночью турки не стрѣляли.

Въ этомъ періодѣ времени, во 2-й батареѣ нашей бригады, которая занимала своими орудіями батареи № 1-й и № 4-й, ощущался большой недостатокъ въ офицерахъ. Въ батареѣ оставались только три офицера: штабсъ-капитанъ П. состоялъ на № 4, двое другихъ—были при № 1. Изъ этихъ двухъ послѣднихъ, одинъ заболѣлъ распространившеюся между защитниками «Николая» болѣзнью—опухолью ногъ. Болѣзнь эта не дозволяла больному ни ходить, ни спать, ни надѣть сапога. Врачи говорили, что болѣзнь эта особенная, свойственная горному климату, и что отъ нея можно избавиться только тѣмъ, чтобы держать ноги разутыми. Вѣроятно, опухоль ногъ происходила именно вслѣдствіе

того, что ноги были постоянно обуты и въ теченіе всего житья на Шипкѣ, сапоги не снимались. Впрочемъ, болѣзнь эта не была очень распространена между нашими людьми, хотя тянулась долго, даже и послѣ взятія нами Шипки. Вмѣсто этого офицера командированъ былъ я, изъ 1-й батареи, которая стояла въ это время на отдыхѣ, въ Габровѣ. 5-го октября, я получилъ утромъ предписаніе отъ командира бригады отправиться въ тотъ же день, вечеромъ, на перевалъ. Сборы мои были не долги. Простившись съ товарищами, я верхомъ отправился, часовъ въ 5 вечера, на Шипку. Было довольно грязно. Съ трудомъ можно было пробираться по избитому шоссе. Недалеко отъ города, встрѣтилъ я кухню какого-то полка. Въ фургонѣ запряжены четыре пары воловъ, но и то фургонъ еле-еле двигался по этой грязи, которая доходила до ступицы. Можно-ли при такой грязи разсчитывать на правильный подвозъ пищи? Не мудрено, что кухни наши запаздывали, если онѣ не отправлялись на гору часовъ съ 11-ти утра.

Поднялся я на гору. Ничего нѣтъ новаго, ничего не прибавилось и не убавилось. Только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были палатки, теперь стояли, аккуратно сдѣланныя, землянки, съ печами внутри. Около этихъ землянокъ виднѣлись другія, похуже, и палатки. Это штабъ корпуса и два стрѣлковыхъ батальона. Штабъ корпуса съ прежняго своего мѣста отодвинулся сюда послѣ стрѣльбы 27-го августа, когда случайно турецкая граната залетѣла въ подвижной лазаретъ и надѣлала страшнаго переполоху. Управленіе начальника артиллеріи корпуса помѣщалось тутъ же, при корпусномъ штабѣ.

По наружному виду землянокъ можно было заключить, что живущіе въ нихъ обставились очень удобно, вѣроятно, разсчитывая на долгое тутъ житье. Иныя землянки представлялись настоящими избами, со всею къ нимъ принадлежностью. Подвижной лазаретъ также перешелъ съ прежняго мѣста, подалѣе отъ бывшаго перевязочнаго пункта, до котораго долетали иногда турецкія гранаты. Мѣсто его заняли нѣсколько ротъ, кажется, Подольскаго полка. Затѣмъ, перевязочный (второй) пунктъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, такъ какъ болѣе удобнаго для него расположенія нельзя было найти нигдѣ на всемъ перевалѣ. Далѣе, по прежнему, не доходя версты до «Круглой» батареи, влѣво расположены были бивакомъ саперы, а вправо—два стрѣлковыхъ баталіона. У Брянскихъ домиковъ стояли Брянцы, а прикрытіе къ «Центральной», «Круглой» и № 6-й состояло изъ нѣсколькихъ ротъ Минскаго полка. Около перваго перевязочнаго пункта въ ложементахъ по «Волынской» горкѣ, расположились Волынцы, а прочіе полки 4-й дивизіи составляли резервъ. Батареи «Круглая», «Центральная» и № 6-й заняты были орудіями 14-й бригады. Все это было знакомо мнѣ еще съ августа и очень мало перемѣнилось. «Николай» все по прежнему высился среди мрачныхъ лѣсистыхъ высотъ, по прежнему представлял собою грозную твердыню—памятникъ славныхъ первыхъ дней обороны. Прибылъ я на позицію часовъ въ девять. Люди только что стали разбирать ужинъ, такъ что я могъ захватить свои вещи и отдать лошадь для отправки въ батарею. Я осмотрѣлся. Солдаты, съ котелками въ рукахъ, бѣгали съ батареи на шоссе

къ кухнѣ, оттуда возвращались, бережно неся свои котелки. При этомъ, конечно, не обходилось безъ шуму и крику; по временамъ раздавался и смѣхъ. Очевидно, защитники привыкли тутъ жить и ни въ чемъ не стѣсняются: разговариваютъ громко, кричатъ, смѣются; все, рѣшительно все такъ, какъ будто это происходитъ на бивуакѣ, или въ лагерѣ. Поглядишь на эти смѣющіяся лица, послушаешь всѣ эти остроты и шутки— и, право, подумаешь: да неужели же это тѣ самые люди, которые только-что вотъ кончили стрѣлять, только что похоронили двухъ убитыхъ сегодня товарищей, только-что перенесли ужасы бомбардировки?... Не вѣрится, но оно такъ. Привыкли ко всему. Привыкли и къ пулямъ, привыкли и къ бомбамъ, привыкли и къ этой безпрестанной стрѣльбѣ, и къ виду раненыхъ и убитыхъ; свыклись, словомъ, со всѣмъ, что испытывается въ теченіе мѣсяца, проведеннаго тутъ, на Шипкѣ.

Тотчасъ я явился къ командиру батареи, заставъ его въ блиндажѣ, у офицеровъ за ужиномъ. Въ разговорѣ за ужиномъ, узналъ я въ какомъ положеніи находились дѣла по оборонѣ. Все по прежнему, цѣлый день стрѣляютъ изъ ружей, въ серединѣ дня—изъ пушекъ и мортиръ; потерь большихъ нѣтъ. Блиндажъ, въ который я помѣстился, находился сзади бывшаго турецкаго бруствера, недалеко отъ батареи. Онъ выстроенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла палатка офицеровъ. Его выстроили въ концѣ августа и потомъ постепенно довели до того вида, въ которомъ я его засталъ. Крыша его довольно прочно была блиндирована отъ бомбъ. На четырехъ стойкахъ уложены толстые

брусья. Другой рядъ брусьевъ положенъ сверху надъ ямою, а на него уложены фашины, діаметромъ въ $1^1/_2$ фута и длиною болѣе сажени. Все это засыпано фута на 4 землею, чтобы сдѣлать блиндажъ прочнѣе отъ бомбъ. Блиндажъ на столько прочно устроенъ, что бомба, какъ-то ударившая въ крышу блиндажа, покосила только потолокъ, но самый блиндажъ не разрушила. Ходъ въ блиндажъ былъ выдѣланъ большими ступеньками, наружное же отверстіе входа закрывалось кускомъ палаточнаго холста.

Поздно улеглись мы спать, условившись заранѣе вставать каждому черезъ часъ и идти осматривать батарею. Тутъ былъ установленъ такой порядокъ: такъ какъ офицеровъ было только двое, то дежурить на батареѣ было неудобно, а просто, по нѣскольку разъ въ день, и ночью, черезъ часъ, дежурный уходилъ изъ блиндажа на батарею провѣрить часовыхъ и дежурныхъ №№. Эта провѣрка была необходима, потому что наши дежурные №№ были мало бдительны.

Рано проснулись мы на другой день. Не спалось мнѣ на новомъ мѣстѣ; да и спать-то не особенно удобно: лежишь на голой доскѣ, совершенно одѣтый, чтобы быть всякую минуту готовымъ встать. Къ тому же, октябрьскія ночи стали прохладны, а входъ въ нашъ блиндажъ закрывался только кускомъ палаточнаго холста. Всталъ я и вылѣзъ изъ блиндажа. Ясное утро. Турецкіе стрѣлки уже начали свое «постукиванье». Не даромъ ихъ прозвали наши люди «кузнецами»: цѣлый день, съ ранняго утра до наступленія темноты, постукиваютъ турки. Много выпускаютъ пуль, не жалѣютъ ихъ; вѣдь онѣ не свои. Возвратился я въ блиндажъ.

Оба сомителя мои еще спятъ сладкимъ утреннимъ сномъ. Выпилъ я стаканъ чаю, который приготовленъ былъ заботливымъ деньщикомъ командира. Этотъ деньщикъ, замѣчательно хладнокровный малый, извѣстенъ былъ своею смѣлостью. Воды-ли достать среди дня, когда путь къ фонтану обстрѣливался частымъ и мѣткимъ огнемъ, попастьли въ показавшагося на брустверѣ турка изъ ружья, пройтись-ли за дровами внизъ, сварить-ли обѣдъ подъ выстрѣлами, — на все это былъ способенъ этотъ деньщикъ. Онъ былъ и поваромъ для насъ, и камердинеромъ. Не будь его, часто сидѣли бы мы безъ обѣда.

Выпивши чаю, опять вылѣзъ я изъ блиндажа и отправился на батарею. Люди всѣ встали и завтракаютъ. Многихъ изъ прежнихъ нѣтъ въ живыхъ, многіе ранены и выбыли изъ строя, остальные мнѣ кажутся веселыми и довольными. Я сталъ осматривать батарею. Она нѣсколько улучшилась. Амбразуры хорошо выдѣланы, блиндажи усилены. Усилены также боковые и тыльные траверзы. Видно сразу, что даромъ времени не тратили, а все усиливали батарею. Въ это время прикрытіе къ № 1-му составляла рота Орловскаго полка и взводъ Брянскаго полка. Прикрытіе расположено было въ ложементѣ, вправо и частью влѣво отъ батареи, гдѣ прежде стояли стальныя орудія. Начальникомъ 1-го участка боевой позиціи былъ въ то время Орловскаго полка подполковникъ К. Хладнокровный въ дѣлѣ, спокойный всегда, онъ былъ и остороженъ въ мѣру. Часто самъ обходилъ позицію ночью, провѣрялъ бдительность часовыхъ, наблюдалъ за боевою готовностью частей на своемъ участкѣ и дѣлалъ распоряженія въ

предѣлахъ той власти, которая предоставлена ему была, какъ начальнику боеваго участка. По его указанію, устроили мы ночную стрѣльбу по вновь возведеннымъ работамъ со стороны «Фланкирующаго» ложемента; въ другой разъ производили, по его же совѣту, одновременную стрѣльбу съ батареи № 1-й и съ мортирной № 1-й; въ третій разъ, узнавши какъ-то, что за «Девятиглазкою», въ тылу ея, есть пороховой погребокъ, онъ просилъ командира мортирной батареи № 1-й устроить перекидную стрѣльбу, съ цѣлью взорвать погребокъ. Также, по его приказанію, стрѣляли по турецкимъ работамъ, производившимся немного ниже праваго фланга «Девятиглазки». По его же предложенію, произведена была стрѣльба по «Фланкирующему» ложементу, гдѣ турки устроили было нѣчто въ родѣ погребка, или блиндажа. Вообще, распоряженія подполковника К., относительно нашей стрѣльбы, были очень дѣльны, и всѣ совѣты и предложенія его принимались и исполнялись нами охотно.

Когда настало время обѣда, нашему повару заблагоразсудилось накрыть столъ за брустверомъ, между нашимъ блиндажемъ и командирскимъ. Поставили два чурбана, на нихъ положили доску,—образовался столъ. Около него мы помѣстились на чурбанахъ. Обѣдъ нашъ былъ только что поданъ, какъ вдругъ, загремѣлъ выстрѣлъ съ «Центральной», за нимъ другой, третій, четвертый. Мы вскочили съ мѣстъ и стали смотрѣть, что значитъ, что такъ часто палятъ? Въ отвѣтъ на эти выстрѣлы съ «Малой», турки дали залпъ изъ четырехъ орудій. Нашъ № 4-й пустилъ гранату въ ложементъ на Лѣсистой горкѣ.

— Будетъ стрѣльба общая, сказалъ командиръ,— пойдемте на батарею, а потомъ пообѣдаемъ; вѣрно и намъ придется палить.

Тотчасъ обѣдъ убрали; мы захватили по кусочку говядины и хлѣба и пошли на батарею. Командиръ батареи помѣстился у двухъ правофланговыхъ орудій, я—у среднихъ, Т.—у лѣвофланговыхъ. «Девятиглазка» молчитъ, мы тоже. Ждали мы не долго; штукъ шесть гранатъ скоро свиснули надъ нашими головами и разорвались позади. Мы стали отвѣчать по-орудійно. Турки, по обыкновенію, пускали залпомъ изъ всѣхъ орудій. Часть гранатъ падала въ главный брустверъ, часть пролстала за тыльные траверзы. Вреда никакого не причинялъ намъ непріятель. Мы спокойно вели свою стрѣльбу по-орудійно, пока непріятель не сталъ постепенно замедлять свою стрѣльбу; когда же онъ совсѣмъ прекратилъ огонь, мы дали залпъ. Стрѣльба стала затихать по всей линіи; раздавались только рѣдкіе выстрѣлы въ «Девятиглазку» съ «Промежуточной» и съ № 2-го. Мы еще ждали. Люди не отходили отъ орудій и перебрасывались отрывистыми фразами:

— Ишь, не пускаютъ что-то бомбы; должно-быть обѣдаютъ, потому и время-то какъ разъ для обѣда.

— Нѣтъ, братъ, жарко теперь стрѣлять-то, да, поди, и орудія накалились.

Среди наступившей тишины, вдругъ, откуда-то, должно-быть со «Скалъ», донесится протяжный крикъ: «бомба-а-а!» Я оглянулся. Въ первый разъ увидѣлъ я бомбу... Медленно поднимается черная точка надъ «Скалами»... Вотъ, остановилась она почти надъ «Промежуточной»... и потомъ стала все быстрѣе и быстрѣе опускаться...

Грозное шипѣніе слышится въ воздухѣ; всѣ притихли и напряженно слѣдятъ за быстро опускающеюся черною точкою... «Пуль—пуль—пуль», свиститъ трубка все сильнѣе и сильнѣе... Наконецъ—разрывъ... «У-у-у», завыли осколки надъ головой гдѣ-то; потомъ опять шипѣніе и свистъ и что-то тяжелое ударило въ брустверъ... Мы присѣли... У всѣхъ лица испуганныя; вопросъ—«задѣнетъ меня, или не задѣнетъ?» такъ и видѣнъ на лицѣ...

Опять слышно протяжное: «бомба-а-а!» опять черная точка медленно поднимается надъ «Скалами», на секунду останавливается надъ «Николаемъ» и, пыхтя и свистя, быстро летитъ внизъ на шоссе, и опять завыли и зашуршали осколки... Мы слѣдимъ за каждою...

— Эта на № 4-й! говорятъ между собою солдатики, слѣдя за двумя, поднимающимися надъ «Николаемъ».

— Эта на № 2-й; вишь, вѣрно угадалъ; эта—на шоссе, эта подальше пошла гулять...

— Къ намъ! кричитъ кто-то изъ наблюдателей, испуганно.

Мы присѣли за траверзъ. Надъ головою у насъ остановилась черная точка, потомъ быстро стала опускаться... Сердце томительно сжалось... «Къ намъ, сюда, навѣрно сюда!» стучитъ въ головѣ неотвязно... близко... Инстинктивно я отодвинулся назадъ и посмотрѣлъ за траверзъ... Масса чего-то чернаго, сѣраго, краснаго, пыли и песку крутится саженяхъ въ двухъ вправо... секунда... раздался трескъ оглушительный, потомъ гулъ, снопъ дыма и огня вылетѣлъ съ того мѣста, гдѣ вертѣлась бомба... Въ глазахъ потемнѣло. —«Ну, вотъ, и ничего», думается, «и все прошло

теперь: стоитъ только разъ увидать поближе и потомъ не такъ будетъ страшно».

Въ сторонѣ, у орудія, прислуга что-то возится.

— Что, ранило развѣ кого?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе; должно быть, оглушило или камнемъ ударило, крови будто-бы и нѣтъ!

— Такъ что-же, отнести его, или, лучше, позвать сюда фельдшера!

— Да фельдшеръ-то, ваше благородіе, на № 4-мъ, опасно туда нести...

— Ну, отнесите въ блиндажъ, къ намъ.

Трое берутся за раненаго, берутся грубо, по солдатски. Тотъ стонетъ.

— Тише вы, говорю я,—нельзя тише, что-ли?

— Ничего, ваше благородіе, пущай стонетъ; мы и не такихъ отволакивали, какъ-то грубо говоритъ одинъ изъ поднимающихъ.

Подняли; я посмотрѣлъ на раненаго: лицо мертвенно блѣдно, губы посинѣли.

— Чего стали? ну, неси, что-ли, въ блиндажъ! прикрикиваетъ фейерверкеръ.

Тѣ понесли. Не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ на шоссе опять раздался разрывъ бомбы и осколки ея полетѣли въ нашу сторону.

— Подождите! крикнулъ я.

Но тѣ сами остановились; раненаго опустили на землю и сами прилегли... Черезъ полъ-минуты они вернулись обратно, шелъ и раненый.

— Ступай въ блиндажъ, говорю я, — вѣдь, ты раненъ?

— Никакъ нѣтъ, меня только въ бокъ ударило, должно-быть, камнемъ, и ошеломило очень, а то ничего, — проговорилъ онъ, улыбаясь.

Онъ подошелъ къ орудію, но тутъ ему сдѣлалось дурно и онъ упалъ на лафеты. Что дѣлать съ нимъ? Дать понюхать спирту или нашатырнаго, — годно средство привести его въ чувство. Послали за фельдшерской сумкой. Тѣмъ временемъ, контуженный пришелъ въ чувство и отказался на отрѣзъ отъ какого-бы то ни было лекарства, заявивъ, что «лучше всего будетъ помазать бокъ свѣчнымъ саломъ».

Стрѣльба прекратилась. Мы выпустили гранатъ 50; турки столько же почти и 20 бомбъ. Наша мортирная батарея на «Николаѣ» не стрѣляла. Мы возвратились въ блиндажъ и принялись за остывшій обѣдъ.

Ружейная пальба, замолкнувшая было на время канонады, снова открылась. Послѣ бомбъ, на ружейныя пули никто не обращалъ никакого вниманія. Мы вышли изъ блиндажа и усѣлись по прежнему, вокругъ стола. Пули, перелетая черезъ брустверъ, цѣли на разные лады, иногда даже въ топъ другъ другу. Иныя какъ-то странно трещали, попадая въ брустверъ или въ землю. Сидѣвшіе съ нами офицеры Брянскаго полка увѣряли, что это — «разрывныя» пули. Насколько это достовѣрно — не знаю, но звукъ при ударѣ въ твердую землю и даже въ песокъ былъ такой особенный, который можно было различить изъ десятка равномѣрно ударившихся простыхъ пуль.

На слѣдующій день, рашнимъ утромъ, снова началась пристрѣлка мортиръ, расположенныхъ въ лощинѣ, по «Девятиглазкѣ», а мы со своей батареи

наблюдали за ихъ стрѣльбою. Люди наши, узнавши, что будутъ стрѣлять по «Девятиглазкѣ», также приготовились наблюдать, радуясь, что, наконецъ, достанется и надоѣдавшей всѣмъ «Девятиглазкѣ». Съ мортирной батареи присланъ былъ солдатикъ просить насъ наблюдать перелеты и недолеты и сообщать черезъ него запискою. Разсчитывали, что пока посланный добѣжитъ до мортиръ, какъ разъ въ то время успѣютъ окончить заряжанье ихъ и стрѣльба будетъ идти скоро. Не довѣряя себѣ въ правильной оцѣнкѣ величины недолета, мы приказали и наводчикамъ своимъ (изъ которыхъ трое отличались очень острымъ зрѣніемъ) наблюдать разрывъ и опредѣлять сообща величину недолета.

Перелеты, каковы-бы они ни были, мы считали выгодными, такъ какъ мы предполагали, что за «Девятиглазкою» должны быть какіе-нибудь резервы, или постройки, или лагерь, — словомъ, не считали, чтобы противуположный склонъ горы, за которой расположена «Девятиглазка», оставался совершенно пустымъ. Поэтому, въ случаѣ, еслибы перелеты и были значительны, все-таки бомба нашла-бы для себя какую-нибудь жертву. Что же касается до опредѣленія величинъ недолетовъ, то вполнѣ можно было быть увѣреннымъ, что онѣ могутъ быть опредѣлены довольно точно, такъ какъ наблюдателей собралось много и, значитъ, средняя величина изъ всѣхъ наблюденій могла подходить ближе къ истинной.

Наблюдать стрѣльбу пришли еще нѣкоторые офицеры Брянскаго полка, подполковникъ К., нашъ командиръ батареи и командиръ стрѣлковой роты Орловскаго

полка, бывшей у насъ въ прикрытіи, капитанъ Р., отличавшійся очень хорошимъ зрѣніемъ и много помогавшій намъ въ опредѣленіи величинъ недолетовъ. Я съ Т. помѣстился среди боковаго траверза, на приступкѣ, откуда отчетливо видна «Девятиглазка» съ ея ложементомъ. А чтобы предохранить наши головы отъ пуль турецкихъ стрѣлковъ изъ «Фланкирующаго» ложемента, Т. положилъ туръ со стороны ложемента; теперь мы могли безопасно наблюдать за полетомъ нашихъ бомбъ и за разрывомъ ихъ. Прочіе наблюдатели помѣстились у внутренняго отверстія фронтальной амбразуры, заложивъ ее однимъ туромъ, чтобы не такъ быть видными турецкимъ стрѣлкамъ изъ «Желтаго» ложемента, что ниже «Девятиглазки». Приготовились къ наблюденіямъ и ждемъ. Нетерпѣніе у всѣхъ; что они тамъ долго такъ возятся? Наконецъ, раздался глухой ударъ выстрѣла и бомба медленно зашуршала надъ нашими головами. Летитъ; можно сосчитать секунды, такъ медленно летитъ... Сильный ударъ разрыва бомбы разнесся далеко по горамъ.—«Недолетъ!...»—«Много!...» «Какъ жаль!...»—«Сажень 50!...»—«Нѣтъ—40!...»—«Больше не будетъ, какъ 25!...» посыпались со всѣхъ сторонъ восклицанія наблюдателей. Т., смотрѣвшій въ бинокль, говоритъ, что будетъ не больше 25 саженъ. Въ среднемъ вышло 35 саженъ. Сейчасъ же Т. на бумажкѣ карандашемъ отмѣтилъ: «недолетъ 35 саж., направленіе вѣрное» и отдалъ посланному. Тотъ побѣжалъ на «Мортирную». Черезъ нѣсколько минутъ опять шуршитъ бомба; всѣ внимательно слѣдятъ за полетомъ... Въ тылу «Девятиглазки» слышенъ глухой ударъ разрыва. Очевидно, перелетъ и притомъ большой: и звукъ глухой, и дыма

совсѣмъ не видно. Опять записку съ обозначеніемъ большаго перелета, саж. въ 100. Третья бомба полетѣла. Всѣ нетерпѣливо слѣдятъ за ней,—«попадетъ-ли или нѣтъ?—Бомба разорвалась въ брустверѣ «Девятиглазки», ближе къ правому ея флангу. «Вотъ славно, отлично, такъ хорошо; завалило амбразуру, третью съ праваго флапга», говорятъ наблюдатели.—«Завалило, да только па половину», говоритъ Р. Мы присматриваемся; и дѣйствительно, оказывается—завалена на половину. Но и это хорошо. Посылаемъ записку, чтобы такъ продолжали стрѣлять. Всѣ кажутся очень довольными, разсаживаются, гдѣ кто нашелъ удобнѣе для себя. Похвалы расточаются мортирамъ... Но, чу! опять «паша»? Не успѣли мы дослѣдить своей бомбы, какъ страшное шипѣніе раздалось вверху...

— Турецкія! крикнулъ кто-то вблизи.

«Разъ, двѣ, третья, — всѣ въ насъ!...» Мы прилегли... Всѣ бомбы разорвались на шоссе. Мы поднялись, смѣясь надъ тѣмъ, что свою прозѣвали. Только что поднялись и стряхнулись, какъ вдругъ, туръ вылетѣлъ изъ амбразуры, повалилъ двухъ поблизости стоявшихъ наводчиковъ и покатился къ тыльному траверзу. Въ ту же минуту, штукъ шесть пуль влетѣло въ открытую амбразуру. Одинъ изъ солдатиковъ, смѣлѣе другихъ, подбѣжалъ къ амбразурѣ и заглянулъ въ нее.

— Это осколокъ вышибъ туръ; посмотрите, ваше благородіе,—какой здоровый! вскричалъ онъ радостно.

Никто, однако, не рѣшился подходить близко къ открытой амбразурѣ, и мы приказали ее тотчасъ заложить имѣвшимися всегда въ запасѣ готовыми турами. Пока

забрасывали туры въ амбразуру, еще штукъ пять пуль влетѣли въ нее и свистнули надъ самыми головами. Турки стали пускать бомбы то въ нашу батарею, то въ «Николая», разсчитывая, вѣроятно, найти (или, какъ говорили, «ощупать») мѣсто расположенія нашихъ мортиръ. Однако, имъ все это не удавалось: одна бомба упадетъ на вершину «Николая», другая на шоссе, третья перепрыгнетъ черезъ мортирную батарею внизъ въ оврагъ, одна даже полетѣла, неизвѣстно какъ, по направленію къ «Девятиглазкѣ». Наша мортирная батарея выпустила шесть бомбъ, турки — двѣнадцать. На турецкія бомбы мало обращали въ эту стрѣльбу вниманія; всѣ, и люди, и офицеры, и даже стрѣлки наши слѣдили за дѣйствіемъ своихъ.

Послѣ стрѣльбы, всѣмъ обществомъ обѣдали у командира, въ блиндажѣ, а послѣ обѣда отправились посмотрѣть мортирную батарею. Гурьбою отправились мы къ мортирамъ. Х. благоразумно совѣтовалъ не идти кучей, чтобы турки не замѣтили и не открыли частаго огня по насъ: «а то, пожалуй, кому-нибудь изъ насъ и не придется осмотрѣть мортиръ», добавилъ онъ. Мы послушались добраго совѣта и добрались до мортиръ порознь, при чемъ каждый чувствовалъ во время этой перебѣжки, что служилъ мишенью не одному турецкому солдату. Добрались мы къ лощинѣ. Тутъ расположены двѣ мортиры. Каждая мортира поставлена на платформу, надъ которою устроенъ блиндажъ. Онѣ поставлены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой, и притомъ одна расположена выше другой, на уступѣ. Дулами мортиры обращены къ южному обрыву лощины. Стоя сзади мортиръ, вы видите передъ собою только

крутой обрывъ лощины и часть «Николая». Чтобы стрѣлять въ «Девятиглазку», надо перекинуть бомбу черезъ весь скатъ «Николая», обращенный къ шоссе. Для наводки мортиръ, предварительно провѣшивали линію, помощью шомполовъ. Эта линія служила направленіемъ на «Девятиглазку», а одинъ изъ шомполовъ, самый близкій къ мортирамъ (который былъ, однако, на разстояніи отъ нихъ сажени въ двѣ съ небольшимъ), служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и искуственною точкою прицѣливанія. Затѣмъ, съ помощью таблицъ, пріискивался уголъ возвышенія, который и придавался мортирѣ. Потомъ, мортиру заряжали и окончательно наводили въ точку, взятую на ближнемъ шомполѣ. Послѣ выстрѣла, уголъ возвышенія исправлялся по нашимъ наблюденіямъ, передаваемымъ черезъ одного изъ прислуги, поставленнаго на батареѣ № 1-й. Одновременно съ пріисканіемъ по таблицамъ угла возвышенія, пріискивали и зарядъ, ибо приходилось измѣнять для каждаго выстрѣла и уголъ возвышенія, и зарядъ. Это очень усложняло пристрѣлку, но это необходимо было дѣлать, такъ какъ въ таблицѣ, которою первоначально руководствовались, нельзя было найти ни угла возвышенія, ни заряда, вполнѣ соотвѣтствующихъ тѣмъ условіямъ, въ которыя была поставлена эта батарея. Прежде всего нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что стрѣльбу производили черезъ скатъ горы. Высота той части ската, которая прикрывала мортиры, не могла быть измѣрена никоимъ образомъ. Такъ что тутъ являлась еще неизвѣстная данная, именно—высота прикрывающаго ската, которая усложняла опредѣленіе величинъ угла возвышенія и заряда, необ-

ходимыхъ для попаданія на разстояніе 825 саж. въ «Девятиглазку». Поэтому-то пристрѣливаніе сдѣлалось очень труднымъ. Если прибавить къ этому еще и трудность и неточность въ опредѣленіи величинъ недолетовъ и перелетовъ при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлена была стрѣльба; если прибавить еще и то обстоятельство, что лишь только начинали производить стрѣльбу изъ мортиръ, какъ непріятель начиналъ почти всегда стрѣльбу бомбами, а иногда и канонаду по всей линіи, и что, слѣдовательно, при этихъ, чисто-боевыхъ условіяхъ, невозможно было дѣлать вполнѣ точныя и правильныя поправки, которыя требуются пристрѣлкою къ такого рода цѣли, какъ «Девятиглазка» *); если принять въ соображеніе еще и то обстоятельство, что въ первое время стрѣльбы изъ мортиръ самъ командиръ батареи (подпоручикъ К.) развѣшивалъ заряды, зачастую подъ выстрѣлами, по неимѣнію ни одного лишняго человѣка, кромѣ того числа, которое требуется для производства заряжанія мортиры и ея наводки; если принять все это въ соображеніе, то станетъ понятно, почему довольно долгое время стрѣльба изъ мортиръ была не такъ успѣшна, какъ того ожидали отъ нея; почему, наконецъ, даже и тогда, когда мортиры были уже пристрѣляны къ «Девятиглазкѣ», ожиданія, что «Девятиглазка» будетъ окончательно срыта, вовсе не оправдались.

Осмотрѣвши батарею, мы возвратились всѣ въ блиндажъ, также перебѣжавъ шоссе по одному. Здѣсь

---

*) Девятиглазая батарея представлялась съ нашихъ позицій въ видѣ одной прямой линіи бруствера, расположеннаго на вершинѣ горы.

готовъ былъ нашъ незатѣйливый обѣдъ. Мы усѣлись подъ брустверомъ и принялись за него. Никогда не приходилось обѣдать съ такимъ аппетитомъ, какъ на позиціи!

Часа въ четыре пополудни, я получилъ приказаніе отъ командира батареи установить, въ виду ожидавшейся атаки, сигнальныя ракеты на «Николаѣ». Пустивъ своевременно ракеты, мы этимъ дали бы знать резервамъ объ атакѣ, чтобы они во-время поспѣли на «Николай». (Резервы наши частью были расположены у бряпскихъ домиковъ, частью—еще дальше). Начальникъ артиллеріи прислалъ относительно этого записку къ командиру батареи № 1-й, который въ это время состоялъ начальникомъ артиллеріи на горѣ св. Николая, такъ какъ старше другихъ былъ въ чинѣ. Командиръ нашъ послалъ записку къ командирамъ № 2-й и № 3-й батарей съ приказаніемъ поставить ракеты каждому отъ своей батареи. Но ракетъ ни у кого не оказалось. Не было ихъ даже и у насъ, хотя у насъ было больше зарядныхъ ящиковъ, чѣмъ въ другихъ батареяхъ. Пересмотрѣли всѣ, какіе были съ нами, ящики,—ракетъ не нашли; всѣ онѣ были оставлены, съ третьимъ рядомъ ящиковъ, въ Габровѣ. Случайно какъ-то нашли четыре ракеты въ передкѣ; потомъ выяснилось, что эти ракеты были найдены на позиціи и спрятаны бережливымъ взводнымъ ефрейторомъ. Ракеты нашлись, а хвостовъ къ нимъ не было: хвосты подвязаны были къ оглоблямъ третьихъ зарядныхъ ящиковъ; только въ 9 часовъ посланный верховой привезъ хвосты. Ночью, я и Т., съ ракетами и хвостами, захвативши двухъ солдатъ, пошли ставить ракеты. Первую ракету мы

поставили на шоссе. Выкопали ямку, насколько дозволялъ сдѣлать это каменистый грунтъ, поставили шестъ съ ракетой и обложили его внизу каменьями. Еще ракету поставили мы за «Промежуточною» батареею, третью—за № 2 и четвертую—за № 4. Установивши ракеты, возвратились на свою батарею и оттуда отрядили двухъ человѣкъ ночныхъ къ ракетамъ, чтобы они, въ случаѣ надобности, подожгли ракеты. Кромѣ того, сказали ночнымъ, чтобы они отнюдь не оставляли своихъ постовъ, иначе, они потомъ въ суматохѣ не найдутъ ракетъ и не пустятъ ихъ своевременно.

Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, когда мы покончили совсѣмъ съ установкою ракетъ. Атаки ожидали подъ утро, часа въ три. Люди наши не спали; мы также. Чтобы отогнать сонъ, пили чай; тѣмъ не менѣе, черезъ два часа всѣ уснули, гдѣ кто сидѣлъ; иные солдаты такъ и заснули съ кружками въ рукахъ. Мы поднялись только въ 8 часовъ утра. Удивленные, мы спрашивали другъ друга:

— Что же, атака была, или не была?

— Подите посмотрите, что турки сдѣлали съ вашими ракетами-то.

— А что?

— Да, вотъ, подите, посмотрите сами; вставайте, вставайте, нечего лѣниться...

Мы поднялись и тотчасъ же пошли на батарею. На батареѣ солдаты наши, собравшись кучею, разсматривали ракеты, разговаривали и смѣялись. Мы подошли.

— Вотъ, ваше благородіе, что сдѣлали турки, извольте посмотрѣть, и этого-то не пропустили!

Что-же мы увидѣли? Шесты были избиты пулями; въ каждомъ шестѣ насчитали не менѣе пяти пуль! Вотъ, что разсказали намъ люди наши, которые стояли при ракетахъ:

«Утромъ, лишь только разсвѣло, турки открыли обыкновенную ружейную стрѣльбу изъ «Фланкирующаго» и «Желтаго» ложементовъ. Такъ какъ наши сигнальщики получили приказаніе дожидаться до утра, когда можно было разсчитывать, что непріятель начнетъ атаку, то они стояли все время около шестовъ и утромъ, наблюдая за непріятелемъ. Разумѣется, непріятель ихъ замѣтилъ и, какъ всегда, сталъ стрѣлять по нимъ *). Сигнальщики благоразумно засѣли тогда за эти каменныя кучки, которыя служили основаніемъ шесту, и болѣе не показывались изъ за нихъ. Но непріятельскимъ стрѣлкамъ достаточно было разъ замѣтить человѣка, и они пускали въ то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, цѣлый десятокъ пуль. Наши солдаты всегда смѣялись надъ такою тратою патроновъ и говорили, что турки пускаютъ пули «благо онѣ у нихъ не свои, — чужія и дешевыя»... И теперь они стали пускать пули и при этомъ, конечно, случайно попали въ шесты. Далѣе, однако, ракетъ не приказано было ставить. Сдѣлано это было потому, что пули, пущенныя въ сигнальщиковъ, ранили нѣсколькихъ людей, шедшихъ со «Скалъ» за водою (чрезъ шоссе, къ фонтану).

---

*) Надо замѣтить, что непріятельскіе стрѣлки никогда не жалѣли патроновъ и стрѣляли даже по одиночнымъ людямъ, проходившимъ по горѣ и по шоссе. Иные солдаты даже подшучивали надъ непріятелемъ, выставляя шапки изъ ложементовъ или чучелы—и непріятель стрѣлялъ.

Слѣдующій день, 9-го октября, прошелъ благополучно; кромѣ ружейной стрѣльбы, ничего не было. Часовъ въ 6 вечера, пріѣхалъ на позицію флигель-адъютантъ полковникъ Ч. Намъ приказано было приготовить людей къ встрѣчѣ его, такъ какъ полковникъ Ч. долженъ былъ привезти отъ Государя Императора защитникамъ георгіевскіе кресты и Царское «спасибо». Мы узнали еще раньше объ этомъ, утромъ. Люди ожидали полковника Ч. съ нетерпѣніемъ; приготовились, почистились, даже «принадлежность» надѣли, что, вообще говоря, дѣлали очень рѣдко, такъ какъ имѣть ее постоянно на себѣ не было надобности, и стали въ порядкѣ при орудіяхъ. Ровно въ 6 часовъ, полковникъ прибылъ на позицію. Обойдя каждое орудіе отдѣльно, онъ вездѣ здоровался съ людьми. Люди показались ему молодцами; но, правду сказать, видъ ихъ въ этихъ мундирахъ, которые были заплатаны на всѣхъ мѣстахъ, этихъ шапокъ, прорванныхъ и запачканныхъ, этихъ сапогъ, къ которымъ, вмѣсто подметокъ, привязаны толстые куски кожи,— сразу показалъ ему, что эти люди давно уже не имѣли времени починиться и привести себя въ болѣе приличный видъ. Обходя каждое орудіе, онъ не могъ не обратить вниманія на пасъ, офицеровъ, одѣтыхъ такъ, какъ онъ, вѣроятно, никогда не привыкъ видѣть одѣтыми офицеровъ. Начальникъ 1-го боеваго участка, подполковникъ Х., нашъ командиръ, въ качествѣ начальника артиллеріи на «Николаѣ», начальникъ всей позиціи, сопровождали полковника Ч. Турки замѣтили группу людей и стали стрѣлять сюда; но полковникъ Ч. со свитою успѣлъ во-время скрыться за батарею. Обойдя всю батарею, онъ вышелъ за тыльный траверзъ,

а мы, по приказанію командира, вызвали туда же людей. Полковникъ обратился къ нашимъ людямъ со слѣдующими словами:

— Я присланъ, ребята, благодарить васъ всѣхъ, отъ имени Государя Императора, и передать вамъ всѣмъ Его «спасибо»!

Люди грянули «ура». Громко раскатилось оно по «Николаю»... Турки услыхали и пустили еще разомъ нѣсколько пуль. Полковникъ Ч. подошелъ къ ложементу, въ которомъ помѣщалась рота Орловцевъ. Люди не выходили изъ ложемента, но стояли въ порядкѣ. Полковникъ прислонился къ скалѣ, свита размѣстилась около него.

— Я присланъ, ребята,—обратился онъ къ ротѣ,— отъ имени Государя Императора, благодарить васъ всѣхъ, славныхъ защитниковъ Шипки, и передать вамъ Царское «спасибо» за ваши труды...

Тутъ мы не разслышали, потому что рой пуль ударился въ то мѣсто, гдѣ стоялъ полковникъ Ч. Въ слѣдъ за этимъ, громовое «ура» раскатилось по «Николаю». Полковникъ продолжалъ:

— Государю Императору благоугодно было поручить мнѣ передать вамъ нѣсколько георгіевскихъ крестовъ, которые я передалъ командиру полка для раздачи. Порученіе свое я исполнилъ. Еще «спасибо» отъ Его Высочества Главнокомандующаго, за вашу молодецкую службу!

«Ура» загремѣло такое, что въ ушахъ затрещало. Турки опять зачастили по ложементу и по скалѣ; но полковникъ Ч. отошелъ отъ нея и направился вверхъ.

VII. Октябрь на Шипкѣ. — Шульгинъ. — Гусь. — Перестрѣлки. — Снѣгъ и морозы. — Прибытіе 24-й дивизіи. — Атаки 27-го и 30-го октября.

Утромъ, 10-го октября, мортирная батарея пристрѣливалась къ «Девятиглазкѣ». Первый же выстрѣлъ попалъ въ брустверъ ея, но остальные выстрѣлы были менѣе удачны. Турки также отвѣчали изъ своихъ мортиръ и все хотѣли попасть въ нашу мортирную батарею. Но это имъ не удавалось; то слишкомъ далеко бросятъ бомбу, то слишкомъ близко. Мы выпустили только четыре бомбы. Командиръ мортирной батареи, говорилъ намъ потомъ, что онъ рано кончилъ стрѣльбу потому, что обсалка на бомбахъ была очень плоха, что мортиры черезъ это очень загрязнились и заряжаніе становилось затрудительнымъ, не смотря на то, что капалъ мортиры прочищали банникомъ, смоченнымъ водою.

Послѣ чая, мы вышли на батарею «погулять». Общій камердинеръ нашъ, Шульгинъ, забавлялся стрѣльбою изъ своего ружьишка и уже, какъ говорили солдаты, положилъ трехъ турокъ. Съ заряженнымъ ружьемъ онъ стоялъ у шестой амбразуры.

— Что, братецъ, забавляешься?

— Такъ точно, ваше благородіе, больно ужъ надоѣли; попѣ ходилъ по воду, просто страсть, какъ лупятъ: ходу не даютъ никому! И меня чуть было не зацѣпили; сидѣть бы вамъ сегодня безъ обѣда, потому ведро, совсѣмъ новое, пробили двумя пулями. Спасибо, орловцы дали взаймы ведерку... Вотъ, теперь пусть

же покажутся, проклятые «кузнецы», такъ и срѣжу всякаго!

Нужно замѣтить, что ружейная стрѣльба производились всегда не иначе, какъ на дымокъ; рѣдко, когда покажется кто-нибудь изъ непріятельскихъ стрѣлковъ изъ-за бруствера. Слѣдовательно, чрезвычайно трудно было «положить» такимъ образомъ хотя одного, не только что трехъ турокъ. Шульгинъ выпустилъ еще одну пулю при насъ на дымокъ. Столбикъ дыму поднялся съ того мѣста, гдѣ за минуту до того показался дымокъ.

— Хороша, братецъ, твоя стрѣльба, а лучше было бы, еслибы ты далъ намъ пообѣдать; теперь уже 12 часовъ; а то ты разсердишь турокъ, и они, пожалуй, подцѣпятъ и тебя, и мы безъ обѣда останемся!

Только что вышли мы изъ ложемента съ Шульгинымъ, какъ цѣлый рой пуль засвисталъ намъ въ догонку. Мы бросились бѣгомъ къ блиндажу. Шульгинъ возвратился назадъ и продолжалъ состязаться въ стрѣльбѣ съ турками. Потомъ пришелъ и сталъ накрывать обѣдать, все на томъ же мѣстѣ, около бруствера. Мы уже сидѣли вокругъ стола, въ ожиданіи, когда Шульгинъ намъ соблаговолитъ подать обѣдъ.

— Ну что, много подстрѣлилъ? обратились мы къ нему съ вопросомъ.

— Да, должно быть, кого-нибудь таки задѣлъ изъ нихъ. Ей-Богу, ваше благородіе, такъ надоѣли эти «кузнецы», что готовъ бы дать, что угодно, чтобы всѣхъ ихъ застрѣлить. Попѣ стояли вы у амбразуры, такъ вѣдь это они въ васъ отрѣляли, право; вы впередъ скажите мнѣ, когда пойдете на батарею. Я за-

хвачу свою фузею и, право же, подстрѣлю любаго, который пуститъ въ васъ пулю...

— Ну, братъ, спасибо за будущее, а теперь, пожалуйста, давай-ка обѣдать!

Вечеръ этого дня мы провели на батареѣ № 2-й, въ прекрасно устроенномъ блиндажѣ ея командира. Ходъ былъ выдѣланъ зигзагомъ, для предохраненія отъ бомбъ. Внутри прекрасно обитый полъ, стѣны изъ толстыхъ бревенъ, крыша прочная, хорошо устроенная печка. Въ особенности печка привлекла наше вниманіе и мы рѣшили завтра же устроить и въ нашемъ блиндажѣ такую же. Часовъ въ 12 ушли мы съ батареи погулять по «Николаю». Долго бродили мы, зашли на «Скалы» и оттуда слушали заупывное турецкое пѣніе и, наконецъ, даже и сами запѣли.

На слѣдующій день, утромъ, была обыкновенная ружейная пальба. Часовъ въ десять она усилилась. Мы вышли узнать причину этого. Что же оказалось? Надъ «Николаемъ» летитъ длинная стая гусей и летитъ не очень высоко. Наши стрѣлки задумали полакомиться гусями и стали стрѣлять въ нихъ. Должно быть, плохо прицѣливались стрѣлки, потому что ни одного гуся не подстрѣлили. Сколько было шуму, крику и смѣху съ этими гусями! Забывъ всякую опасность, наши солдаты выбѣгали изъ ложементовъ со своими *) ружьями и стрѣляли въ гусей. Остальные люди кричали, свистали, пускали каменья вверхъ, предполагая этимъ испугать гусей такъ, чтобы

*) Надо замѣтить, что у многихъ солдатъ были свои собственныя ружья, подобранныя на позиціи послѣ атаки 5-го сентября, или перекупленныя отъ другихъ.

они сбились въ кучу, и тогда легче будетъ подстрѣлить какого-нибудь. Но гуси всѣ остались цѣлы и полетѣли по направленію къ «Фланкирующему» ложементу, гдѣ турецкіе стрѣлки подстрѣлили штуки три, къ большому неудовольствію нашихъ солдатъ, въ особенности къ неудовольствію нашего Шульгина, которому очень хотѣлось угостить и себя и насъ жаренымъ гусемъ.

Часовъ въ пять вечера, пріѣхалъ на позицію нашъ корпусный командиръ. Онъ обошелъ со своею маленькою свитою всѣ батареи и ложементы и всѣхъ привелъ въ восторгъ своимъ хладнокровіемъ. Даже по ложементу, который вправо отъ нашей батареи, считавшемуся однимъ изъ самыхъ опасныхъ мѣстъ, по громадному количеству безпрерывно тутъ свистящихъ пуль, — корпусный командиръ прошелъ, не пагнувъ головы, хотя пули прямо направлены были на это мѣсто.

Длиненъ и скученъ былъ день 12-го октября. Стрѣльбы нѣтъ, нѣтъ и развлеченія. Жарко весь день. Солдаты говорили, что теперь турки ни за какія деньги не захотятъ начинать перестрѣлки. Многіе предполагали, что такое затишье передъ атакой. Такое предположеніе тѣмъ болѣе могло быть вѣроятно, что уже давно турки не пробовали овладѣть перевалomъ открытою силою: со дня отбитія атаки 5-го сентября, прошло уже пять недѣль, слѣдовательно, можно было разсчитывать, что эта попытка повторится теперь *).

---

*) Потомъ мы имѣли случай убѣдиться, что атаки турки вели періодически: 9-го августа, 5-го сентября, 3-го октября (сильная бомбардировка), 9-го ноября (ночное нападеніе), 3-го декабря (сильная бомбардировка).

14-го октября, въ 9 часовъ утра, началась перестрѣлка между «Круглою» батареею и тою турецкою, которая расположена на «Лысой» горѣ. «Девятиглазка» все молчала, но когда въ нее пустили бомбу съ мортирной № 2-й батареи, то она бросила въ насъ залпомъ. А мы были, по обыкновенію, на своихъ мѣстахъ и приготовились отвѣчать поорудійно. Лишь только мы сдѣлали первый выстрѣлъ, къ намъ сейчасъ же присоединилась «Промежуточная» и № 2-й. Непріятель сталъ пускать бомбы по всему «Николаю», тогда и батарея № 1-й стала пускать бомбы въ «Девятиглазку». Такимъ образомъ открылась канонада со всѣхъ батарей. А «Девятиглазка» все стоитъ совершенно цѣлою и все аккуратно посылаетъ намъ залпы! Мы сами разгорѣлись желаніемъ, во что бы то ни стало, завалить хоть двѣ амбразуры. «В*! кричитъ мнѣ изъ-за траверса Т*,—стрѣляйте въ двѣ среднія амбразуры; я тоже буду стрѣлять въ нихъ. Мы завалимъ ихъ!» По гдѣ уже теперь завалить, когда не различишь, какой разрывъ отъ нашей гранаты, какой отъ чужой?... Все спуталось. Надо стрѣлять залпомъ, иначе — ничего не разберешь. Солдаты просятъ: «ваше благородіе, позвольте залпомъ, потому,—не знаешь, не то наша попала, не то дала недолетъ». Дѣйствительно, въ этомъ «совокупномъ» огнѣ никакого толку нѣтъ, напр: выстрѣлили изъ орудія, въ ту же самую секунду, мы и «Промежуточная»; одна изъ гранатъ не долетѣла много, другая попала,—теперь и рѣшайте, съ нашей-ли батареи попала, или съ «Промежуточной» *). Канонада

*) Совокупное дѣйствіе батарей по одной цѣли, безспорно, хорошо, но только тогда, когда отлично, т. е. *вѣрно*, пристрѣлявшись къ

продолжалась $1^1/_2$ часа. Турки первые прекратили огонь, вѣроятно потому, что ихъ стальныя орудія слишкомъ разгорячились. Наши же, мѣдныя, могли еще выдержать двѣ такихъ стрѣльбы подъ рядъ. Этимъ мы всегда выигрывали; турки прекратятъ уже стрѣльбу (конечно, на время только, ибо черезъ часъ они снова могутъ продолжать такую же скорую стрѣльбу), а мы все еще продолжаемъ поорудійно, совершенно спокойно, не торопясь и, правду сказать, что эта стрѣльба «поорудійно» и приносила всегда лучшіе результаты, чѣмъ та, когда стрѣляли по одной цѣли нѣсколько батарей, когда открывали «совокупную» стрѣльбу, т. е. проще говоря, поднимали суматоху. Въ эту стрѣльбу мы выпустили обыкновенныхъ гранатъ 30. Съ мортирной № 1-й батареи выпустили 12 бомбъ, турки также штукъ 12. На слѣдующій день, мы еще спали, когда турки начали стрѣльбу изъ мортиръ. Однако не на долго: пустили только восемь бомбъ, по четыре изъ нихъ, какъ разъ попали на мортирную нашу батарею. Мы предположили, что эти бомбы все разрушили тамъ, но черезъ нѣсколько времени оттуда прошуршала бомба и полетѣла на «Фланкирующій» ложементъ. Мы бросились къ амбразурѣ смотрѣть: бомба разорвалась, какъ разъ на брустверѣ ложемента. Мы тотчасъ послали дать знать объ этомъ на батарею. Вторая бомба попала еще лучше: она ударила въ брустверъ и взорвала какую-то постройку: бревна, камни,

---

цѣли *всѣ* батареи; если же хоть одна изъ нихъ не пристрѣлялась и захочетъ сдѣлать это тогда, когда стрѣльба уже ведется другими батареями, то пусть лучше она и не пробуетъ этого дѣлать: выйдетъ только пустая трата снарядовъ.

земля, даже люди (солдаты говорили, будто бы три человѣка), все это взлетѣло на воздухъ. Солдаты наши, слѣдившіе за бомбами черезъ амбразуры, предполагали, что это взорванъ погребокъ. Мы, впрочемъ, въ этомъ сомнѣвались: не могло быть тамъ погребка, потому что и надобности нѣтъ въ немъ никакой для стрѣлковъ; вѣрнѣе, что это былъ офицерскій блиндажъ, а быть можетъ и просто—наблюдательная вышка, одна изъ тѣхъ, которыя устраивали турки при всякомъ ложементѣ и при всякой батареѣ. Въ отвѣтъ на эту бомбу, турки пустили въ нашу мортирную батарею три и, къ нашей досадѣ,—опять удачно: всѣ три разорвались въ самой лощинѣ, слѣдовательно, попали и въ мортиры. Дѣйствительно, къ обѣду пришелъ К. и жаловался, что одна изъ послѣднихъ бомбъ ударила въ крышу погребка, гдѣ онъ наблюдалъ за приготовленіемъ зарядовъ къ слѣдующимъ выстрѣламъ,—проломились нѣкоторыя доски и такъ какъ онъ стоялъ, почти упираясь въ потолокъ головою, то одна изъ досокъ сильно ударила его въ темя. При этомъ, онъ жаловался на сильную боль.

16-го октября, съ 9-ти часовъ утра открылась канонада по всей линіи. Мы предполагали, что это подготовка къ атакѣ и потому стрѣляли медленно, поорудійно, единственно только для того, чтобы не бездѣйствовать. Въ эту стрѣльбу, въ особенности былъ хорошъ выстрѣлъ изъ 5-го орудія: граната попала въ амбразуру и произвела взрывъ чего-то; немного спустя, бомба пущенная съ мортирной № 1-й батареи, произвела сильнѣйшій взрывъ. Предполагали, что это взорваны снаряды, которые находятся у турокъ подлѣ

орудій, въ раскрытыхъ ящикахъ, на случай усиленной стрѣльбы.

Въ слѣдующіе дни были обыкновенныя перестрѣлки; стрѣляли всѣ батареи ежедневно; порядокъ стрѣльбы былъ такой: мортирныя № 1-й и № 2-й—стрѣляли по «Девятиглазкѣ». Батареи № 3, № 4, «Круглая», «Центральная» и № 5-й стрѣляли по «Лысой» батареѣ. Турецкія бомбы каждый день около 12-ти часовъ летали по всему «Николаю» и иногда залетали и далѣе, къ «Круглой» и прочимъ батареямъ. За эти три дня, мы съ № 1-го выпустили по «Девятиглазкѣ» 82 обыкновенныя гранаты и 20 картечныхъ гранатъ по ложементамъ, «Фланкирующему» и «Желтому». Мортирная № 1-й батарея выпустила 10 бомбъ по «Девятиглазкѣ». Батарея № 4-й, на которой находились наши орудія, выпустила 20 картечныхъ гранатъ по ложементу на «Лѣсистой» горкѣ и 4 обыкновенныя гранаты по «Лысой».

19-го октября опять была сильная канонада; въ этотъ день мы какъ-то особенно неудачно стрѣляли: все происходило отъ того, что наводчики старые, опытные, которые были до сихъ поръ при орудіяхъ, отправлены были внизъ, въ Габрово, для починки своихъ сапогъ, а вмѣсто нихъ стали другіе,—менѣе опытные. Сверхъ того, отправлено было въ Габрово еще нѣсколько человѣкъ, для починки совсѣмъ изорвавшейся мундирной одежды, и еще нѣсколько человѣкъ отправлены были для леченія болѣзни — опухоли ногъ. Вмѣсто всѣхъ этихъ людей, выдержавшихъ не одну канонаду, были поставлены запасные, которые, большею частью, находились при лошадяхъ въ Габровѣ. Вотъ, это-то об-

стоятельство и было причиною неудачной нашей стрѣльбы. Много значили для успѣха тѣ, чисто практическія спаровки, которыя употребляемы были прежними наводчиками.

На слѣдующій день выпалъ небольшой снѣгъ. Горы покрылись бѣлою пеленою. Сдѣлалось очень холодно. Хорошо, что отправляясь на позицію, мы запаслись полушубками; теперь они очень пригодились. Намъ еще сносно было въ блиндажѣ, но людямъ, въ ихъ ложементахъ, было холодно. Шинели солдатскія, надѣтыя на полушубокъ, рѣзали подъ мышками; руки были стѣснены и затекали. Поэтому, наши солдаты предпочли совсѣмъ не надѣвать шинели, а просто—мундиръ, а сверхъ него—полушубокъ. Иные обзавелись фуфайками; должно быть, достали они эти фуфайки у пѣхотныхъ солдатъ, такъ какъ наши фуфайки были въ Габровѣ. Ихъ, впрочемъ, привезли съ кухнею на другой же день. Въ виду наступившаго холоднаго времени, увеличена была винная порція: людямъ нашимъ съ этого дня отпускалось двѣ съ половиною чарки водки.

Проснулись мы на слѣдующее утро, — въ блиндажѣ темно. Что такое случилось, что такъ темно? Хотя и всегда не особенно было свѣтло, но все-таки свѣтъ проходилъ черезъ входъ въ самый блиндажъ. А теперь такъ темно! Что же оказывается: снѣгъ завалилъ весь входъ и попалъ даже въ самый блиндажъ. Мы втроемъ стали кричать изо всей силы: «Эй! кто тамъ есть, отрывайте; насъ завалило!» Испугались не на шутку. Принялись разгребать снѣгъ досками, которыя служили намъ постелями, но это

нисколько не помогало: ходъ снаружи до верху былъ заваленъ. Что дѣлать? Приходилось лежать и ждать; вѣдь не всѣхъ же завалило, отроютъ. Какъ водится, тотчасъ припялись смѣяться надъ своимъ осаднымъ положеніемъ. Къ счастью, оно продолжалось не долго: черезъ часъ, прислуга отрыла снѣгъ отъ входа въ блиндажъ, но въ самомъ входѣ оставалось его еще много. Дневной свѣтъ (мы сидѣли въ потьмахъ, такъ какъ спички и свѣчи были на рукахъ у нашего камердинера) прорвался узкою полоскою отъ входа сверху и мы увидѣли, какъ наши люди усердно выгребаютъ снѣгъ сверху. Наконецъ, снѣгъ оставался только на ступеняхъ входа, а самое наружное отверстіе было уже отрыто. Въ немъ показалась курчавая голова Шульгина.

— Вы не замерзли, ваше благородіе? А я вамъ чай приготовилъ, да не знаю, какъ передать; надо еще отгребать снѣгъ, а то тутъ не пролезешь. Обождите маленько!

Черезъ четверть часа, мы грѣлись горячимъ чаемъ, а Шульгинъ сообщилъ намъ новости:

— Вездѣ занесло; командирскій блиндажъ отгребли, люди измучились, отгребая снѣгъ у себя въ ложементахъ; орудія всѣ занесло; человѣкъ пять, говорятъ, часовыхъ въ цѣпи замерзло; въ фонтанѣ вода замерзла; «Девятиглазку» занесло такъ, что и амбразуръ не видно (вѣтеръ какъ разъ въ ея сторону).—«Что теперь съ турками?» добавилъ Шульгинъ свой разсказъ.

Мы пошли посмотрѣть на батарею. Люди отгребали снѣгъ отъ орудій и выгребали его изъ ложементовъ. Вѣтеръ дулъ со стороны деревни Шипки. Поэтому,

только внутренность ложементовъ орудійныхъ у самаго траверса не была занесена снѣгомъ; остальное пространство, орудія и даже амбразуры,—все было завалено. У «Девятиглазки» не были видны даже амбразуры, а вся батарея представляла изъ себя снѣговой валъ. «Фланкирующій» и «Желтый» ложементы чуть-чуть были видны на покрытыхъ сугробами склонахъ.

Часамъ къ четыремъ пріѣхала наша кухня, едва-едва пробравшаяся сюда. Хотя было свѣтло, но турки стрѣляли очень рѣдко; можно было бродить по «Николаю» совершенно безопасно. Къ вечеру морозъ сталъ крѣпнуть, поднялась вьюга.

Въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера, на смѣну полкамъ, занимавшимъ «Николай», пришли роты Енисейскаго полка, 24-й дивизіи. Мы сидѣли за чаемъ, когда неизмѣнный Шульгинъ радостно доложилъ, что пришли Енисейцы на смѣну Орловцамъ и Бряпцамъ, что теперь они зададутъ страху туркамъ, потому, ружье у нихъ хорошее, ужь онъ успѣлъ посмотрѣть. И мы отъ него заразились надеждами. «А что вы думаете, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у нихъ берданка, будутъ бить на далекое разстояніе, мѣтко; войска они выдержанныя; вотъ только, что мало испытаны, да и это ничего — скоро привыкнутъ. Главное, вѣрно, одежда у нихъ хороша; если хороша, значитъ, и болѣзней будетъ меньше, а слѣдовательно, не будутъ полки ослабляться потерею заболѣвшихъ и число защитниковъ «Николая» увеличится». Такъ разсуждали мы, сидя въ блиндажѣ за стаканомъ горячаго чаю; почти такъ разсуждали и наши солдаты; почти, а быть можетъ и совсѣмъ такъ, разсуждали всѣ защитники, которымъ надоѣло уже нести потери

отъ мѣткаго ружейнаго непріятельскаго огня, которымъ хотѣлось также мѣтко стрѣлять, какъ и непріятель, и которые, къ своей досадѣ, не могли ему нанести ощутительнаго вреда ружьемъ Крынка...

Долго мы не могли заснуть; все безпокоили насъ разспросами отсталые, подходившіе къ блиндажу. Лежимъ и готовимся заснуть. Вдругъ, кто-нибудь влѣзаетъ въ блиндажъ: «Что, ребята, тутъ 4-я рота?» — «Нѣтъ, на горѣ». Черезъ нѣсколько времени опять: «скажите на милость, земляки, проситъ кто-то жалобно, — гдѣ тутъ 10-я рота?» — «Дальше ступай». И такъ до полночи.

Рано утромъ поднялись мы на слѣдующій день и вышли посмотрѣть, какъ будутъ стрѣлять берданки. День былъ неясный, со слабымъ туманомъ, но турецкіе ложементы были видны. Теперь чаще раздавались выстрѣлы съ нашей стороны, чѣмъ съ турецкой. Очевидно, что наши Енисейцы пристрѣливались. Мы ожидали, что и артиллеристы 24-й бригады будутъ пристрѣливаться въ этотъ день, такъ какъ слышали, что они пришли наканунѣ; но артиллеристы, почему-то, молчали.

Съ приходомъ частей 24-й дивизіи на позицію, завели строгіе порядки. Завели дежурныхъ, дневальныхъ, ночныхъ. Конечно, это было необходимо, но такая служба очень утомляла людей. Необходимо же это было потому, что турки могли произвести нечаянное нападеніе и надо было быть въ готовности каждую минуту отразить его. Положимъ, что у насъ все было въ порядкѣ, трудно насъ было застать врасплохъ, однако же осторожность не мѣшала.

Въ концѣ октября, турки опять сдѣлали попытку

овладѣть горою «св. Николая». Дѣло было такъ: рано утромъ, 27-го октября, густая цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ вышла изъ ложементовъ и бросилась къ «Скаламъ». За цѣпью шли густыя колонны; чтобы помочь атакѣ, турки открыли стрѣльбу со всѣхъ своихъ батарей. Наши батареи отвѣчали имъ. На «Скалахъ» были готовы къ встрѣчѣ атаки: орудія были заряжены картечью. Пѣхота наша слегка обстрѣливала турецкую цѣпь, но не усиливала огня, ожидая атаки. Въ это время къ «Николаю» подвинули резервы. Турки бросились было къ «Скаламъ», но тутъ наши открыли стрѣльбу залпами, а съ батарей — ударили картечью. Оставивъ много убитыхъ, турки отступили—и больше атаки не возобновляли. Эта атака намъ дорого стоила: у насъ, на батареѣ № 1-й, былъ убитъ штабсъ-капитанъ Т. и три нижнихъ чина, — всѣ осколками отъ разрыва гранаты. Убитыхъ свезли въ Габрово и тамъ съ почестями похоронили.

Прошло два дня. Всѣ были спокойны за то, что непріятель не пойдетъ теперь атаковать «Николай». Разсчету не было: разъ отбили, значитъ, не для чего было больше пытаться. Но непріятель думалъ иначе. Предполагая, что мы, послѣ атаки 27-го октября, успокоимся, перестанемъ быть осторожными и ослабимъ охранительныя мѣры, — турки задумали еще произвести атаку.

Рано утромъ, 30-го октября, турецкія батареи открыли сильную стрѣльбу по всей нашей позиціи. Мы отвѣчали. Часа три продолжалась съ обѣихъ сторонъ оживленная стрѣльба, не принесшая, впрочемъ, особеннаго вреда ни той, ни другой сторонѣ. Около 11-ти

часовъ, турки вдругъ смолкли. Мы тоже прекратили стрѣльбу. Думали, что все дѣло этимъ и кончится; оказалось—пѣтъ. Ровно въ 12 часовъ, турки вышли изъ своихъ ложементовъ и бросились на «Скалы» и на батарею № 1-й. Пѣхота наша ударила залпами, батарея — картечью, а турки обратились въ бѣгство. Но около своихъ ложементовъ, бѣгущіе были встрѣчены своими резервами; резервы подкрѣпили цѣпь и турки опять двинулись на нашу позицію. Четыре раза турки были отбиты и четыре раза возобновляли они атаку. Сильныя потери, однако, заставили ихъ отступить. И эта атака не прошла намъ даромъ: у насъ убыло ранеными: три нижнихъ чина и штабсъ-капитанъ П.

Послѣ отбитія атаки 30-го октября, рѣшено было замѣнить 2-ю нашу батарею—1-ю, чтобы дать ей отдохнуть и оправиться. Конечно, въ случаѣ необходимости, 2-я батарея еще могла бы стоять на позиціи; но такъ какъ ее можно было замѣнить на время, то это и приказано было сдѣлать, тѣмъ болѣе, что 1-я батарея наша, стоявшая въ Драновѣ, отдыхала въ теченіи почти полутора мѣсяца. Дѣло, разумѣется, было не въ отдыхѣ, ибо на войнѣ не можетъ быть отдыха, если требуется дѣйствовать; тутъ все дѣло было въ томъ, что люди батареи, стоявшіе на позиціи въ теченіи семи недѣль, ужъ очень обносились и стали, вслѣдствіи того, заболѣвать. Не было почти ни одного человѣка, который чѣмъ-нибудь не страдалъ бы: у одного—дезинтерія, у другаго—лихорадка, третій—жалуется на ломоту. Всѣ почти были нездоровы. Офицеры, и тѣ, хотя помѣщались въ блиндажахъ, имѣли проч-

ную обувь и крѣпкое платье, — и тѣ заболѣвали чесоткою, да опухолью ногъ. Про нижнихъ же чиновъ и говорить нечего. Да и какъ тутъ не заболѣть? то дождь льетъ ливмя, то морозъ ударитъ, то вѣтеръ-сиверко подуетъ, то опять оттепель. Перемѣнить бѣлье негдѣ, сапоги совсѣмъ истаскались, шинель продралась почти вездѣ. Положимъ, у насъ завели порядокъ: отправляли людей, очень ужъ обносившихся, въ Габрово, для починки платья, или просто отправляли сапоги, шинели и мундиры въ Габрово, гдѣ ихъ и чинили, подъ наблюденіемъ фельдфебеля, оставшіеся люди. По все это оказывалось мало: починятъ,—смотришь, послѣ двухъ дней хожденія по этой грязи, да по каменьямъ, — сапоги-то опять расползлись. Такъ и не успѣвали чиниться. А въ плохой обуви, да въ плохой одеждѣ—какъ уберечь здоровье? Ну, и заболѣвали. И ничѣмъ другимъ нельзя было помочь, какъ свести батарею на время съ позиціи, дать ей отдыхъ и время, хорошенько привести себя въ порядокъ.

Такъ и сдѣлали. 31-го октября приказано было 1-й батареѣ выступить изъ Драново на Шипку, и 2-й батареѣ въ то же время приказали приготовиться къ спуску. Орудія и вся принадлежность къ нимъ могли оставаться на позиціи: замѣнить слѣдовало только то, что оказывалось негоднымъ къ дальнѣйшей службѣ, т. е. два орудія, испорченыя непріятельскими выстрѣлами, и нѣкоторую принадлежность, оказавшуюся не вполнѣ исправною. Такимъ образомъ, смѣнился лишь личный составъ батареи, а матеріальная часть, за исключеніемъ поврежденнаго, оставалась на позиціи.

VIII. Ноябрь на Шипкѣ. — Какъ проводили дни защитники Шипки. — Фальшивая тревога. — Неудачи подъ Елсною.

1-го ноября, 1-я батарея пришла въ Габрово, а на другой день, къ вечеру, поднялась на позицію. — На позиціи намъ уже все было знакомо, такъ что, хотя было темно, но мы разобрались: первый, второй и четвертый взводъ помѣстились при орудіяхъ на батареѣ № 1, а третій взводъ—на батареѣ № 4-й. Недолго задержали мы людей 2-й батареи: осмотрѣли орудія, сосчитали принадлежность, сосчитали боевые заряды, поразспросили о томъ, откуда берутъ воду и дрова, когда турки стрѣляютъ, гдѣ по позиціи не опасно ходить и гдѣ опасно,—вообще, поразспросили о томъ, о чемъ разспросить считалось необходимымъ, чтобы не сдѣлать какого-нибудь промаха или вреда себѣ, —вотъ, и сдача кончена. 2-я батарея распростилась и ушла, а мы остались опять защищать Шипку, ту самую Шипку, за которую столько крови было пролито въ августѣ и которую теперь, ужъ по этому одному, приходилось зорко оберегать снова намъ же. Только Шипка въ этотъ мѣсяцъ не была такою, какою была она въ августѣ. Августовская Шипка вся залита была кровью; цѣлый день, съ утра до вечера, раздавались на ней пушечные и ружейные выстрѣлы; непріятель, то и дѣло, предпринималъ атаки.... А въ ноябрѣ было иное: по цѣлымъ днямъ, или идетъ мелкій дождикъ, или стоитъ туманъ; ни мы непріятеля не видимъ, ни онъ насъ. Выстрѣлы очень рѣдки. Объ атакѣ и думать нечего: грязь

такая, что непріятель не влѣзетъ и на пол-горы. Въ августѣ, народъ гибнулъ отъ непріятельскаго огня, а теперь гибли отъ болѣзней, холода и мокроты, отъ изнурительной сторожевой службы, которая сдѣлалась невыносима, когда наступили морозы...

Цѣлую недѣлю мы провели спокойно. Въ эти дни стрѣльбы не было, такъ какъ стоялъ густой туманъ. Было тепло и грязно. Главныя заботы наши обратились на обувь. Люди, по цѣлымъ днямъ, сидѣли въ блиндажахъ, чтобы сберечь свои сапоги; собирались только въ извѣстное время, въ какое-нибудь закрытое мѣсто на батареѣ, чтобы пить чай или обѣдать. Вотъ, напримѣръ, какъ проводили мы время въ этомъ мѣсяцѣ: утромъ спали до какихъ часовъ хотѣли; дежурные и дневальные поперемѣнно бодрствовали всю ночь, остальные спали спокойно, на столько спокойно, какъ можно было спать въ землянкѣ. Въ каждой землянкѣ, сдѣланной во внутренней крутости бруствера, помѣщалось по три и по четыре человѣка. Спали прямо на голой землѣ, завернувшись въ шинель и полушубокъ. Нѣкоторые снимали сапоги, другіе—нѣтъ; одни говорили, что безъ сапогъ можно ноги простудить, другіе—что въ сапогахъ спать,—значитъ, испортить ноги. Землянки завѣшивали полотнищами отъ палатокъ; эти же полотнища подстилали подъ себя. Въ дождливую погоду, кому надо было выходить изъ землянки, тотъ накидывалъ на себя такія же полотнища, чтобы сберечь отъ промоканія свою шинель.

Вставши, люди пили чай. Воду доставали изъ лѣсистаго оврага, который окружалъ гору Св. Николая; на днѣ его былъ родникъ. Туда по утрамъ сходились

и наши, и турки, за водою и за дровами. Это не было вполнѣ безопасно, такъ какъ турки стрѣляли въ то время, когда наши спускались по скату, и стрѣляли все время, пока идущіе за водою не скрывались въ оврагѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что за все время у насъ, въ артиллеріи, не было ни убитыхъ, ни раненыхъ во время этихъ походовъ за водою и дровами. Обходилось, почему-то, счастливо: турки даже почему-то меньше стрѣляли по нашимъ, чѣмъ по пѣхотнымъ. Надо думать, что они принимали нашихъ за перебѣжчиковъ, такъ какъ наши ходили безъ оружія.

Набравши воды и дровъ, люди разводили костеръ около батареи. Надъ костромъ вѣшали десяточный котелъ, въ которомъ и варили чай. Чай на позиціи всѣмъ выдавался по особому распоряженію командира корпуса и выдавался въ такомъ количествѣ, что его можно было пить хоть три раза въ день. Напившись чаю, люди расходились по землянкамъ; тутъ, кто чинилъ платье, кто сапоги; а большинство — спало. Въ полдень опять вылѣзали изъ землянокъ и сходились на тѣхъ же площадкахъ, около батарей, и тутъ пили по пол-чаркѣ водки. Водка тоже выдавалась по особому положенію: каждый день по пол-чаркѣ крѣпкаго спирту или по полной чаркѣ простой водки. Водка и спиртъ привозились изъ Россіи, такъ какъ болгарской водки, называемой «раки», люди не могли пить. (Эта водка приготовляется изъ картофеля). Водка полагалась для защитниковъ Шипки въ видахъ сбереженія ихъ здоровья: въ однѣхъ частяхъ ее давали съ сѣрою, въ предупрежденіе развитія дезинтеріи (кроваваго поноса), въ другихъ — давали съ хининомъ, отъ лихорадки,

иногда—съ перцемъ, отъ разстройства желудка. Въ большинствѣ случаевъ, давали по пол-чарки чистаго спирта.

Послѣ легкаго завтрака, люди опять расходились по землянкамъ и опять за прежнее: или чинили платье, или спали. Рѣдко, кто не жалѣлъ сапогъ, отправлялись по грязи въ сосѣдніе пѣхотные ложементы, или на батареи, къ товарищамъ. Но большинство оставалось въ блиндажахъ. Понятно, что, при такомъ время-препровожденіи, было очень скучно, люди желали развлеченій и, правду сказать, рады были, если затѣвалась перестрѣлка. А въ ноябрѣ перестрѣлки были очень рѣдки. Единственнымъ, пожалуй, развлеченіемъ было ходить за дровами и водою; и хотя дѣло это не было вполнѣ безопасно, но наши люди съ радостью исполняли каждый свою очередь. Вообще, всѣ наряды на работы, на дежурства и дневальства составляли тогда какъ будто бы развлеченіе,—и люди, надо сказать правду, исполняли служебные наряды съ гораздо большею охотою и добросовѣстностью, чѣмъ въ мирное время.

Часовъ въ пять вечера пріѣзжали на позицію изъ Габрова кухни, т. е. котлы съ горячею пищею. Кухни останавливались на шоссе и сюда сходились люди, разбирать котлы и поговорить съ пріѣзжими. Прежде, въ августѣ, сентябрѣ или октябрѣ, столпленіе на шоссе около кухонь не прошло бы даромъ: турецкіе стрѣлки кого-нибудь подцѣпили бы; а теперь, въ ноябрѣ, стоялъ такой густой туманъ, что въ пяти шагахъ ничего не было видно, и турки не стрѣляли. Кухни привозили иногда необходимыя для людей вещи; съ кухнею же отправлялись съ позиціи больные въ Габрово. Необхо-

дымыя бумаги также привозились и отвозились съ кухнею. По отъѣздѣ кухонь, наступала тишина и люди ложились спать, чтобы завтра провести такой же день.

Такъ проводили мы почти всѣ дни въ ноябрѣ. Ожидать атаки не было рѣшительно никакого повода; ожидать спуска съ позиціи также не было основанія, ибо мы до тѣхъ поръ не могли двигаться съ Балканъ, пока Плевна не будетъ взята. Такимъ образомъ наша оборона Шипки превратилась въ простое «сидѣнье» на ней и выжиданье. Турки также ничего не могли предпринять: атака Шипки не удалась бы уже по одному тому, что скользскія отъ грязи скаты Николая мало доступны были для движенія.

Однако, въ ночь съ 9-го на 11-е ноября, турки попробовали было атаковать позицію, но были отбиты. Дѣло было такъ: узнавши, что на позицію прибыли полки 24-й дивизіи и, полагая, что они не знаютъ всѣхъ заведенныхъ тутъ порядковъ, разсчитывая, такимъ образомъ, на ихъ неосмотрительность, турки хотѣли захватить нашихъ врасплохъ. Вечеромъ, часовъ въ 6, пріѣхали наши кухни. Пока люди разбирали горячую пищу, на шоссе, у Николая, столпилось много народа. Поднялся шумъ. А тутъ еще подоспѣли смѣнныя роты Енисейцевъ. Должно-быть, съ мортирной турецкой батареи, а можетъ-быть, изъ передовой сторожевой ихъ цѣпи, услыхали шумъ и дали знать о томъ, что, дескать, на Николаѣ войска пришли новыя. Недолго думая, турки пустили на шоссе двѣ бомбы. Бомбы хоть и не разорвались и не попали въ то мѣсто, гдѣ толпился народъ, однако, напугали всѣхъ поряд-

комъ. Кухни повернули и поскакали въ тылъ позиціи; люди тотчасъ разбѣжались. Повозки скачутъ, люди бѣгутъ и кричатъ. Поднялась суматоха. Стали въ ружье. А турки, думая вѣрно, что мы наступаемъ, открыли ружейную пальбу по всей линіи. Темно было, хоть глазъ выколи. Турки вышли изъ своихъ ложементовъ и подвинулись къ нашимъ; наши открыли также огонь. Видя, что мы не подвигаемся, турки сами бросились впередъ. А въ это время уже открылась пальба и съ батарей. Первые-то выстрѣлы изъ пушекъ, заранѣе наведенныхъ по разнымъ турецкимъ батареямъ, должно-быть, куда-нибудь да попали; а какъ ужъ потомъ стрѣляли, когда ничего не было видно, — того уже никто не знаетъ! Со всѣхъ сторонъ кричатъ «ура» и «алла», а обѣ стороны не двигаются... Стрѣляютъ такъ, на удачу, изъ ложементовъ.

Много тогда выпустили и турки и наши пуль и снарядовъ, да толку изъ того было мало. Часа два такъ стрѣляли, потомъ перестрѣлка стала затихать и, наконецъ, все кончилось часамъ къ 10-ти вечера. Тогда говорили, что будто турки наступали на «Скалы» и на Волынскую гору; но намъ трудно было, за темнотою, разобрать, кто на кого наступалъ и гдѣ. Въ этомъ дѣлѣ были, впрочемъ, убитые и раненые, но немного.

Послѣ дѣла 9-го ноября опять все затихло. Опять дни на Шипкѣ потекли по прежнему однообразно. 13-го ноября чуть было опять не было тревоги, да успѣли скоро успокоиться съ обѣихъ сторонъ. Только послѣ этихъ тревогъ усилили сторожевую службу и бдительность. Усилены были наряды въ ночные, посылались къ непріятельской цѣпи наши секреты, приказано было

вездѣ изъ ложементовъ и батарей не отлучаться. Думали, что непріятель, въ серединѣ ноября, произведетъ атаку. Но, какъ видно, и ему не было охоты лазить по колѣно въ грязи на наши позиціи, съ надеждою быть каждый разъ отбитымъ. Поэтому, во-второй половинѣ ноября также не было значительныхъ ружейныхъ перестрѣлокъ, а артиллерійской стрѣльбы и совсѣмъ ни разу не производилось: то туманы мѣшали, то дожди.

Вечеромъ, 22-го ноября, узнали мы о пораженіи нашихъ подъ городомъ Еленою. Уже съ полдня, солдаты собирались въ кучки и горячо о чемъ-то разсуждали; къ вечеру пришло печальное извѣстіе—наши отступили отъ Елены. Солдаты, впрочемъ, не унывали.

— Эка бѣда, что туркамъ разъ удалось побить нашихъ. Это не штука! Надо же, въ самомъ дѣлѣ, и имъ въ кои-то вѣки побѣдить.

Опасались только одного: какъ бы непріятель не пошелъ дальше отъ Елены, къ Тырнову,—тогда Габрово и насъ, на Шипкѣ, забрали-бы живьемъ. Думали также, что непріятель будетъ наступать всѣми силами и на насъ. Ожидали утромъ нападенія, но нападенія не было, какъ будто-бы турки и не знали о своей побѣдѣ. Только вечеромъ, 23-го числа, слышны у нихъ были радостные крики, должно-быть, по поводу побѣды, которою, впрочемъ, они не воспользовались, какъ должно. (Турки, почему-то остались въ занятой ими Еленѣ, не преслѣдовали нашихъ и не шли впередъ; напротивъ, чрезъ нѣсколько дней они и совсѣмъ ушли изъ Елены).

И снова потекли однообразные дни. Выпалъ снѣгъ,

но на другой день растаялъ. Было холодно и грязно. Обувь наша износилась до нельзя; одежда тоже порвалась. Мы уже не соблюдали формы и ходили кто въ чемъ попало, лишь-бы только сверху была надѣта форменная шинель. Отъ постоянной сырости и холода, люди стали заболѣвать: у кого — лихорадка, у кого — простуда, но больше всего болѣли ногами. Не смотря на то, наше положеніе, сравнительно съ положеніемъ пѣхотныхъ солдатъ, было еще очень хорошее. Пѣхотинцамъ приходилось больше ходить то на работы за хворостомъ, то на починку дорогъ, то въ сторожевую цѣпь. Пѣхота совсѣмъ измучилась. За то и смѣняли ее по недѣлямъ, а насъ смѣняли—черезъ мѣсяцъ.

Такъ дотянули мы до 28-го числа. Въ этотъ день, рано утромъ, позиція наша оживилась. Солдатики съ радостными лицами встрѣчались другъ съ другомъ и разсказывали что-то. Оказалось—пришло извѣстіе: Плевна взята и съ нею Османъ-Паша съ 40 тысячами. Вскорѣ-же, въ полдень, пріѣхалъ отъ генерала Радецкаго адъютантъ къ начальнику позиціи и привезъ записку. Записка эта была—телеграмма отъ Главнокомандующаго, въ которой Его Высочество поздравлялъ Шипкинскій гарнизонъ со взятіемъ Плевны. На телеграммѣ, говорили, будто-бы было приписано рукою генерала Радецкаго, чтобы войска не кричали «ура». Между солдатами, по этому поводу, ходили разныя предположенія: говорили, что будто-бы корпусный командиръ приказалъ не кричать «ура», чтобы не напугать турокъ, чтобы они не убѣжали, что ихъ хотятъ забрать живьемъ.

Радостная вѣсть о взятіи Плевны быстро разошлась по позиціи. Вездѣ ликовали и пѣли пѣсни. Вездѣ

только и слышно было, что «скоро конецъ всему, спустимся внизъ, пойдемъ къ Константинополю, возьмемъ его,—а тамъ, и по домамъ». Про турокъ думали, что они или убѣгутъ отъ боя, или отдадутся въ плѣнъ... Однако, дѣла затянулись на долго. Шипкинское сидѣнье еще продолжалось мѣсяцъ. 2-го декабря на смѣну намъ пришла наша 3-я батарея.

Тою-же почью мы спустились съ позиціи и направились къ Габрову, а оттуда, на другой день, въ Дрново на отдыхъ.

Съ декабря начались на Шипкѣ морозы и мятели; люди стали отмораживать себѣ конечности. Намъ еще сносно было въ земляпкахъ, но пѣхотинцамъ, выходившимъ ежедневно на службу въ сторожевую цѣпь, приходилось тяжело. Почти каждый день слышно было, что въ такой-то ротѣ обморозилось столько-то. Лихорадкою почти всѣ переболѣли. Люди нашей третьей батареи, еще раньше, подъ Ловчею, захвативши злую лихорадку, теперь не выдерживали. Ежедневно приходилось отправлять по два и по три человѣка обморозившихся и заболѣвшихъ въ Габрово. Командиръ батареи и офицеры прилагали всѣ заботы, чтобы сберечь здоровье людей: чай у нихъ не переводился, водки пили сколько хотѣли, получали спиртъ для натиранія ногъ, рукъ и лица. Но всѣ эти средства мало помогали. Морозы доходили до 20-ти градусовъ; снѣгъ заваливалъ землянки и ежедневно приходилось его отгребать. Со дня на день ждали приказа спуститься съ Николая, но приказъ не приходилъ. Эта неизвѣстность, когда кончится наше «сидѣнье», больше всего мучила всѣхъ. А все дѣло въ томъ было, что намъ спуститься съ

Шипки нельзя было раньше, чѣмъ обойдутъ Балканы гдѣ-нибудь въ болѣе удобномъ мѣстѣ... Нельзя-же было спускаться съ Шипки пятитысячному отряду, когда его окружилъ сорокатысячный! Это понималъ каждый солдатъ; они сами такъ разсуждали и ждали, ждали терпѣливо обхода и конца своихъ страданій. Для ободренія ихъ, корпусный командиръ присылалъ часто извѣстія о томъ, какъ идутъ дѣла. Присылалъ о томъ-же телеграммы и Его Высочество Главнокомандующій, который, добрымъ словомъ, ободрялъ Шипкинскій отрядъ и просилъ держаться. Ну, и крѣпились и держались, не смотря на жестокіе морозы и вьюги и тяжелую службу.

IX. Декабрь на Шипкѣ. — Перестрѣлки. — Движеніе войскъ въ обходъ турецкой арміи. — Общее наступленіе. — Пленіе турецкой арміи. — Заключеніе.

На позиціи въ началѣ декабря стояли Енисейцы и Иркутцы 24-й дивизіи и нѣсколько ротъ Орловцевъ, Брянцевъ и полковъ 14-й дивизіи. Батареи занимались: № 1 и № 4—орудіями нашей третьей батареи, № 2 и № 3—орудіями 24-й артиллерійской бригады, а на батареяхъ центральной позиціи стояли орудія 14-й и 24-й бригадъ. При мортирной батареи № 1 былъ прапорщикъ Е., а при мортирной № 2—поручикъ С. Такимъ образомъ гарнизонъ Шипки составился изъ частей трехъ дивизій и бригадъ: 9-й, 14-й и 24-й. У всѣхъ былъ общій начальникъ, — корпусный командиръ, генералъ Радецкій; а по участкамъ командовали стар-

шіе изъ командировъ батальоновъ, находившихъ въ участкѣ.

3-го декабря, послѣ бывшихъ до того мятелей, сдѣлалось ясно. Турки и наши открыли ружейную перестрѣлку.

Во время перестрѣлки, показался на Лысой Горѣ транспортъ вьюковъ, должно быть, со снарядами. Съ батареи № 3-й выстрѣлили по нимъ и разсѣяли вьюки. Думали, что турки сейчасъ-же сами откроютъ стрѣльбу со всѣхъ батарей, но, какъ видно, и они жалѣли свои снаряды, подвозить которые теперь, по дорогамъ, занесеннымъ снѣгомъ, было очень трудно *). Ружейная перестрѣлка прекратилась скоро; а въ 4 часа пополудни открылась пальба со всѣхъ батарей. Большаго вреда пальба намъ не причинила, а люди, все-таки, успѣли ознакомиться съ непріятелемъ, что для новыхъ защитниковъ было весьма важно. По крайней мѣрѣ, сразу увидали, что стрѣльба турокъ не такъ опасна, какъ можно было предполагать; а ужъ это важно было тѣмъ, что люди сразу ободрились. Непріятеля, слѣдовательно, нечего бояться, и если съ кѣмъ придется бороться, такъ это съ природою: съ морозами и вьюгами. Такъ это и было въ декабрѣ. Народу въ декабрѣ

---

*) Нашимъ тоже воспрещено было стрѣлять безъ особенной въ томъ нужды, чтобы, во-первыхъ, не расходовать много снарядовъ, подвозить которые было не легко, а во-вторыхъ, чтобы не привлекать огня непріятельскихъ батарей. Разрѣшалось стрѣлять только по транспортамъ, идущимъ къ непріятелю, по подходящимъ къ нему подкрѣпленіямъ, по новымъ работамъ, возводимымъ имъ на новыхъ мѣстахъ; разрѣшалось также отвѣчать на стрѣльбу непріятельскихъ батарей въ тѣхъ случаяхъ, когда стрѣльба эта производится ими по всей нашей позиціи. Такимъ образомъ, и мы и турки стрѣляли рѣдко.

больше погибло отъ болѣзней и обмораживанія, чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль и снарядовъ. Бывали перестрѣлки, и довольно сильныя, но отъ нихъ мало страдали защитники. Такъ, были перестрѣлки 3-го, 5-го, 10-го, 11-го, 17-го, и 24-го декабря, но всѣ онѣ кончались благополучно, т. е. раненыхъ и убитыхъ или вовсе не было, или одинъ, два человѣка. Только послѣдняя стрѣльба вывела у насъ изъ строя штабсъ-капитана Г., раненаго въ обѣ ноги выше колѣнъ. Но если для насъ перестрѣлки кончались счастливо, то не такъ благополучно кончались они для пѣхоты. Тамъ онѣ выводили изъ строя по 10—15 человѣкъ. Кромѣ того, послѣ каждой перестрѣлки приходилось поправлять, разбитые непріятельскими снарядами, бруствера. Работа эта, производившаяся преимущественно ночью, изнуряла людей. Наибольшій вредъ укрѣпленіямъ наносили бомбы. Бомбы разрушали бруствера, обваливали блиндажи, землянки и ложементы; бомбы-же, разбрасывая осколки по всей позиціи, заставляли прятаться въ блиндажи, и отъ того наши въ перестрѣлкахъ дѣйствовали медленно, пока не приспособились слѣдить за полетомъ бомбъ и опредѣлять примѣрно мѣсто ея разрыва. Правда, въ декабрѣ, непріятель берегъ бомбы, не пускалъ ихъ такъ часто, какъ дѣлалъ это въ предыдущіе мѣсяцы; но и тѣ, которыя онъ выпускалъ по временамъ, приносили намъ серьезный вредъ и, главное, изнуряли людей. За то и наши мортиры не давали ему покоя. Лишь только, бывало, начнетъ непріятель пускать въ насъ бомбы, у насъ съ мортирной открывалась стрѣльба по «Девятиглазкѣ». Она сильно страдала отъ нашихъ мортиръ и это заставляло

непріятеля прекращать стрѣльбу бомбами. Вообще, при стрѣльбѣ на позиціи держались прежняго порядка: лишь только одна батарея начнетъ стрѣлять, другія стараются ее поддерживать и направляютъ свои выстрѣлы по тѣмъ непріятельскимъ батареямъ, которыя ведутъ болѣе сильную пальбу. Въ особенности сильная стрѣльба была наканунѣ Рождества. Открыли огонь всѣ батареи почти одновременно; наши отвѣчали и ждали атаки. Непріятель пускалъ бомбы въ теченіи трехъ часовъ. Ружейной перестрѣлки не было, но народу отъ бомбовыхъ осколковъ погибло много. Такъ встрѣтили Рождество. Первые три дня провели спокойно. Турки какъ будто-бы уважали нашъ праздникъ. Стрѣльбы не было; за то обморозившихся въ эти дни было больше, чѣмъ прежде. У насъ въ батареяхъ такъ мало осталось здоровыхъ людей, что пришлось просить прислать людей отъ батарей, стоявшихъ въ Габровѣ и Драновѣ на отдыхѣ.

Еще въ первой половинѣ декабря былъ составленъ въ главной квартирѣ Главнокомандующаго планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Планъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ концѣ декабря, когда гвардейскій корпусъ овладѣетъ проходами чрезъ Балканы западнѣе Шипкинскаго прохода,—двинуть одинъ отрядъ къ дер. Шипкѣ, а гвардейскій корпусъ послать преслѣдовать армію Шакира-паши, которая занимала Балканы западнѣе Шипки. Для того, чтобы облегчить взятіе Шипки, чрезъ Травненскій проходъ (между Шипкою и Хаинкіойемъ), рѣшено было послать особый отрядъ изъ дивизіи пѣхоты съ артиллеріею. Эти два отряда должны были одновременно атаковать Шипку каждый съ своей сто-

роны во флангъ; отрядъ-же генерала Радецкаго долженъ былъ атаковать дер. Шипку прямо съ горы Св. Николая. Какъ задумано, такъ и сдѣлано.

25-го декабря, гвардейскій корпусъ перешелъ Балканы у Арабконака и двинулся преслѣдовать отступавшую армію Шакира-паши.

Въ то-же время, князь Святополкъ-Мирскій, съ 9-ю дивизіей и 4-ю стрѣлковою бригадою двинулся чрезъ Травненскій проходъ (западнѣе Шипки) и спустился въ долину розъ, близь Казанлыка, генералъ-же Скобелевъ, съ 16-ю дивизіей и съ 3-й стрѣлковою бригадою, шелъ на перевалъ Троянъ. Обѣ колонны должны были атаковать Шипку одновременно; но случилось такъ, что Скобелевъ былъ задержанъ труднымъ Троянскимъ переваломъ и не поспѣлъ во время, опоздавъ однимъ днемъ. Отрядъ-же князя Святополкъ–Мирскаго подошелъ къ Шипкинскому лагерю 27-го числа и ему ничего больше не оставалось дѣлать, какъ атаковать. Не смотря на чудеса храбрости, оказанныя тутъ войсками, они были отбиты. Только на другой день, когда положеніе отряда князя Мирскаго еще ухудшилось, пришла правая колонна генерала Скобелева. Тогда обѣ онѣ атаковали Шипкинскій лагерь съ фланговъ. Въ то-же время, генералъ Радецкій ударилъ на фронтъ турецкихъ укрѣпленій съ «Николая». Никто на «Николаѣ» не зналъ еще, когда будетъ произведена атака, а уже услужливые болгары сообщили, какъ должно было произойти дѣло. Утромъ, 28-го числа, турки со всѣхъ батарей открыли сильную пальбу. Наши отвѣчали. Во время самой сильной перестрѣлки, полки Подольскій и Житомірскій двинулись по шоссе и ударили на ло-

жементы, расположенные по южному скату «Николая». Въ то-же время, наши батареи открыли сильный огонь по непріятельскимъ, стараясь отвлечь огонь турецкихъ батарей отъ нашихъ, спускающихся съ шоссе, войскъ. Три часа продолжалась сильная пальба. Къ часу дня все замолкло. Шипка была взята и вся армія турецкая, въ 40,000 человѣкъ, сдалась въ плѣнъ.

Такъ кончилось наше «сидѣнье» на Шипкинскомъ перевалѣ. Почти шесть мѣсяцевъ мы обороняли Шипку, не пустили чрезъ нее Сулеймана и этимъ была выиграна большая часть всей войны, кончившейся взятіемъ въ плѣнъ цѣлой арміи. Только благодаря геройскому духу, выносливости и терпѣнію русскаго солдата, удалось отстоять Шипку и сдѣлать великое дѣло!

Память объ оборонѣ Шипки не исчезнетъ ни среди освобожденныхъ болгаръ, ни среди русской арміи. Этой оборонѣ удивляются и до сихъ поръ всѣ иностранные военные люди, говоря, что то, что вынесли защитники Шипки, могутъ вынести только русскіе солдаты, привыкшіе переносить холодъ и голодъ, безропотно исполнять приказанія начальства и презирать смерть...

Убитымъ на Шипкѣ офицерамъ и нижнимъ чинамъ поставленъ памятникъ и построена часовня, въ которой, передъ образомъ Спасителя, теплится неугасимая лампада. Прохожіе и проѣзжающіе изъ Габрова въ Казанлыкъ заходятъ въ эту часовню и въ своихъ молитвахъ поминаютъ, на брани убіенныхъ, русскихъ воиновъ.

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

имѣетъ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.

Журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ рекомендованъ войскамъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 года, за № 343.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Чтеніе для Солдатъ“ съ *безплатными* приложеніями, 3 р. 50 к.; кромѣ того, за пересылку слѣдуетъ прилагать: въ Россіи — 50 коп., а за границу—90 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ“

имѣетъ цѣлью содѣйствовать первоначальному самообразованію, основанному на нравственныхъ началахъ и религіозныхъ истинахъ Православной Вѣры.

Журналъ „Мірской Вѣстникъ“ *одобренъ* Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для начальныхъ народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, журналъ *признанъ полезнымъ* для подвѣдомственныхъ ей заведеній; народный журналъ „Мірской Вѣстникъ“ значительно распространенъ также и въ войскахъ.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Мірской Вѣстникъ“, съ безплатными приложеніями, 3 руб. 50 к. с.; за пересылку слѣдуетъ прилагать особо: въ Россіи 50 к. с., а заграницу—1 р. 80 к.

—

Требованія на оба вышеозначенные журнала принимаются исключительно *въ Главной конторѣ Редакціи сихъ журналовъ*, находящейся въ С.-Петербургѣ, Казанской части, по Екатерининскому каналу, у Маріинскаго моста, въ домѣ г. Эшъ, № 99.

Шесть мѣсяцевъ на Шипкѣ. — Цѣна 40 коп. сер.

2007054001